

РИНА РОФИ

КОГДА ОН
ЖЕНАТ

Рина Рофи

Когда он женат

<https://litres.ru/74207697>

Аннотация

Ну что ж...Подруга посоветовала уйти от классических отношений и найти "папика". Стирать не надо, готовить не надо, деньги дает - идеальный вариант ведь...Только что делать, если влюбишься?

Что ждет:

- отношения с женатым мужчиной - разница в возрасте - чувственно - откровенные сцены - гг на месте любовницы - хэ

Содержание

Глава 1. Хищник из VIP-зоны	4
Глава 2. Нашла себе папика	13
Глава 3. Запретная сладость	18
Глава 4. Точка невозврата	27
Глава 5. Я его.	53
Глава 6. Предвкушение	60
Глава 7. Рассказ	64
Глава 8. Квартира	68
Глава 9. Границы	72
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Глава 1. Хищник из вип-зоны

Клуб дышал. Он пульсировал где-то под ребрами, отдаваясь глухим басом в позвоночнике, заставляя воздух вибрировать. Дым искусственного тумана стелился по полу, облизывая щиколотки танцующих, смешиваясь с запахом дорогого парфюма, разгоряченных тел и сладкого алкоголя. Музыка была не просто звуком — она была сердцебиением этого места, и мое сердце против воли подстраивалось под его ритм.

— Лия, расслабься! — голос Киры прорвался сквозь шум, резкий и уверенный. Она, как всегда, была в своей стихии: идеальный макияж, блеск в глазах, бокал с чем-то игристым в тонких пальцах. На её фоне я чувствовала себя неуклюжим воробьем, залетевшим в клетку с экзотическими птицами. — Мужики многие козлы, а твой особенно. Ну бросил, найдешь другого, даже лучше. Какая причина была на этот раз?

Я поморщилась, ковыряя трубочкой лёд в стакане. Вспоминать это было унижительно.

— Снова то же самое... — голос прозвучал глухо, почти заглушенный очередным басовым ударом. — Не дала.

Кира закатила глаза так выразительно, что это было видно даже в полумраке.

— Лиа, а когда ты вообще собираешься трахнуть с кем-то? Тебе двадцать, а ты как монашка. Зачахнешь же.

Я сжалась. Почему-то каждый такой разговор заставлял меня чувствовать себя не просто неопытной, а какой-то... неправильной. Будто я единственная, кто всё ещё носит в груди глупую надежду на искренность, пока мир вокруг помешан на физиологии.

— Кир, ну... я не лягу с первым встречным.

— Наоборот, — она тряхнула головой, и её длинные серьги сверкнули, — лучше с первым встречным! Или, знаешь что? Лучше найди папика! Вот это будет идеально. Трахнешься, а тебе ещё и подарочки дарить будут, не то что эти нищесброды институтские.

Я подавилась воздухом. Слово резануло слух, как пощёчина.

— Папика? — переспросила я, чувствуя, как брови ползут вверх. — Я что, шлюха, по-твоему?

— Лиа, да пол-Москвы девок мечтают о папике! — отмахнулась она так, будто я сморозила глупость. — Это самые удобные отношения: секс, подарки и не надо носки стирать. Идеально!

— А как же чувства? — мой вопрос прозвучал до тошноты наивно даже для меня самой.

Кира расхохоталась, но в смехе её не было злобы, только искреннее изумление перед моей дремучестью.

— Лиа, ты что, уже в двадцать лет хочешь стирать трусы и памперсы менять?

Я замялась, чувствуя, как к щекам приливает краска. Пе-

ред глазами на секунду мелькнула картинка: я, уставшая, с младенцем на руках и горой немытой посуды в раковине. Сердце сжалось от тоски и протеста.

— Ну нет... вроде рано...

— Ну вот и ответ! — Кира торжествующе подняла бокал.

— На время найди себе папика. Женатого, опытного, который будет трахать тебя до скрученных простыней и возить на море. А когда закончишь универ — бросишь его, как отработанный материал.

В её голосе это звучало так просто. Как инструкция по сборке мебели из ИКЕИ. Но где-то внутри меня, под слоем глупых романтических бредней, жил страх. Страх не перед мужчиной, а перед самой собой.

— Кир, а если влюблюсь? — прошептала я.

— Не влюбляйся, — отрезала она, как хирург. — Держи в голове, что это только секс и подарочки. Наберешься опыта, поймешь, какой мужик нужен. А это — так, считай, временный вариант. Учебный тренажер.

Она говорила с таким знанием дела, что я невольно спросила:

— Ты сама-то согласилась бы на папика? Сейчас?

— У меня был, — она пожала плечами, и в её глазах на мгновение мелькнуло что-то далекое, теплое. — Помнишь, рассказывала про Ишхана? Мужик тридцать пять лет, трахал — мммм... — она мечтательно закатила глаза, и внутри меня что-то предательски дрогнуло. Чистое любопытство. —

Ходила довольная. Но уезжает на ПМЖ в Питер. Не вариант уже видется.

— Кир... но это как будто я шлюхой буду, — повторила я, цепляясь за последний аргумент, как за спасательный круг.

— Не шлюхой, а девочкой папика, — назидательно произнесла она, разделяя слова, как учительница. — Это разное.

— Да по сути-то одно и то же.

— Нет! Шлюхи — временные, на раз. А девочка папика — на год, почти постоянная, только без совместного сожительства. Все выгоды, никакой бытовухи. Идеально, говорю же!

Я замолчала, переваривая. В её вселенной всё было логично, разложено по полочкам. А в моей — сплошной хаос из непонятных желаний и страхов.

— Ну не знаю... надо подумать.

— А чего думать? Столько плюсов от таких отношений: подарки, деньги, секс. Что надо-то?

— Душу и чувства, — тихо сказала я, и это прозвучало как признание в смертном грехе.

— Пф, перестань, — фыркнула она. — Найдешь позже, когда надумаешь семью завести. А пока — расслабляйся и получай удовольствие. Кстати, на тебя уже минут пятнадцать смотрит вон тот мужчина.

Мир вокруг на секунду замер. Исчезла музыка, исчезла Кира, исчез дым. Остался только вектор — её палец, указывающий куда-то влево, в сторону полумрака ВИП-зоны, где

свет был мягче, а воздух — плотнее от чужого богатства и власти. Я медленно, словно преодолевая сопротивление воды, повернула голову. Сердце пропустило удар, а затем забилось где-то в горле быстрой, испуганной птицей.

Он сидел один, в самом центре дивана, раскинув руки на спинку. Хищник на своей территории. Лет тридцати, может, чуть больше. Даже в приглушенном свете были видны мощные плечи, распирающие дорожную светло-серую рубашку. Верхние две пуговицы расстегнуты, и в треугольнике обнаженной кожи угадывалась твердая, рельефная грудь. Рубашка обтягивала бицепсы при каждом, даже самом незначительном движении. В его руке лениво покоился тяжелый стакан с виски, янтарная жидкость ловила блики светомузыки. Но страшнее всего были глаза. Светлые, голубые — я поняла это даже на расстоянии — они смотрели прямо на меня. Пристально, изучающе. Без тени улыбки или смущения. Так смотрят на картину, которую собираются купить. Или на добычу.

Он медленно, почти незаметно, приподнял бокал, салютуя мне. Жест был плавным, полным ленивой, неоспоримой уверенности. Я сглотнула. Губы пересохли, а к щекам прилил жар. Краска залила шею, уши, кончики пальцев. Я почувствовала себя абсолютно голой под этим взглядом.

— Кира, — мой голос дрогнул и сорвался в шепот, — он же как хищник выглядит...

— Такие — идеальные папики, — выдохнула она с ис-

кренним восхищением. — Я бы себе взяла не думая. Но он явно смотрит на тебя. Смотри, как сканирует.

— Кир, я не буду с ним знакомиться! — паника подступила к горлу.

— Почему же? Классный вариант. Накачанный, брутальный, сразу видно — порода. И деньжата водятся.

— Он же похож на... — прошептала я, вглядываясь в жесткую линию его подбородка, — ...на мажора.

— Идеальный типаж, — вынесла вердикт Кира.

— Для кого?

— Для тебя, Лиа. Трахает точно — огонь. Я уверена.

— И откуда уверенность? — я нервно облизала губы.

— По взгляду вижу.

Я неосознанно поправила волосы. Просто чтобы чем-то занять трясущиеся руки. Снова посмотрела на него, надеясь, что он уже потерял интерес. Глупая надежда. В этот раз уголок его твердого, красиво очерченного рта дернулся в легкой, едва заметной улыбке. Он отпил виски, не сводя с меня глаз, и от того, как дернулся его кадык, по моему животу разлилась странная, тянущая слабость.

— Так всё, Кир, я пошла! — затараторила я, судорожно хватая свой клатч. — Насиделась я в клубе!

— Лиа, иди к нему! Он будет рад, — пропела она.

— Нет уж, не надо мне папиков! И секса, и вообще ничего!

Я резко встала, чувствуя, как мелкая дрожь колотит из-

нутри. Узкая черная юбка предательски задралась, и я нервно одернула её вниз, чувствуя, как горят бедра. Топ на груди дернулся в такт моему движению. Грудь, тяжелая и пышная, без лифчика, отзывалась на каждое резкое движение чувствительным покачиванием. Я знала это, и от осознания собственной незащищенной женственности паника только усиливалась. Каждый шаг, каждое трепыхание сердца отдавало в соски, делая их болезненно-чувствительными, трущимися о тонкую ткань топа.

— Позже споемся! — бросила я Кире и, не оглядываясь, шагнула в сторону выхода, мечтая раствориться в дымной толпе, сбежать от этого голубоглазого наваждения. Сердце колотилось о ребра с единственной мыслью: «Сбежать. Сейчас же».

Я успела сделать всего несколько шагов. Мир качнулся, когда горячая, сухая ладонь крепко, но не грубо, поймала мое запястье. Прикосновение обожгло, как клеймо. Я вздрогнула всем телом, мышцы мгновенно свело судорогой. Время остановило свой бег.
 Горячие пальцы сомкнулись на моей руке, и я, как загипнотизированная, была вынуждена обернуться.

Он стоял передо мной. Возвышался надо мной, заслоняя собой весь клуб, весь шум, весь мир. Кира была права — на расстоянии вытянутой руки он выглядел еще более брутально. Его голубые глаза оказались не просто светлыми, а пронзительными, цвета арктического льда, но обжигающими. От

его кожи исходил терпкий, обволакивающий аромат — древесный, с нотками кожи и чего-то пряного, сугубо мужского. Запах власти и опасности. Я вдохнула его и почувствовала, как кружится голова.

— Сбегаешь? — его голос был именно таким, каким я его представляла: низкий, хрипловатый, бархатный. Он прокатился по моим нервам, как раскаленный шар. Не вопрос — констатация факта. Он знал, что я бегу.

— Простите... я... домой, — пролепетала я, пытаюсь высвободить руку, но его хватка была непоколебимой, как стальной браслет. Только теперь большой палец его руки начал медленно, гипнотически вырисовывать круги на моем запястье, прямо там, где бешено бился пульс. От этого простого движения внутри меня всё плавилось.

— Пойдем, посидишь со мной, — он не просил. Он ставил перед фактом. — Просто побеседуем.

— Но... — я попыталась возразить, хотя мой голос предательски сел.

— Пойдем, — повторил он, и призрак улыбки тронул его губы. — Не съем же я тебя. Ты очень красивая. Особенно, когда краснеешь.

Я залилась краской ещё гуще, чувствуя себя добычей, попавшей в луч прожектора. А он наблюдал за мной с холодным, расчетливым наслаждением человека, который привык получать то, что хочет.

— Степан, — вдруг представился он, слегка склонив го-

лову.

Язык прилип к небу. Я с трудом разлепила губы.

— Лия.

— Ли-я, — произнес он по слогам, пробуя мое имя на вкус, и от этого по спине побежали мурашки. — Какое редкое имя. Мне нравится. Пойдем, пообщаемся, Лия. Скрашишь мне вечер своей очаровательной компанией.

Он всё ещё держал мое запястье, и этот большой палец, вычерчивающий колдовские узоры, лишал меня воли. Я понимала, что это игра. Понимала, кто он. Понимала всё, о чем говорила Кира. Но ноги стали ватными, а в голове шумело.

— Только если ненадолго, — выдохнула я, сдаваясь. Это была самая сладкая капитуляция в моей жизни.

— Естественно, — его улыбка стала шире, но взгляд оставался пристальным, горячим, прожигающим насквозь. Он чуть сильнее сжал мою руку. — Я не задержу тебя дольше, чем ты сама... захочешь здесь остаться.

И от того, как он это сказал, с нажимом на последние слова, я вдруг остро осознала: домой я сегодня попаду очень и очень не скоро. А все мои принципы и страхи только что рассыпались прахом под этим обжигающим, голубым взглядом. Хищник сделал первый шаг. И я последовала за ним.

Глава 2. Нашла себе папика

Он повел меня к своему ложу, и я шла, не чувствуя ног. Только горячее кольцо его пальцев вокруг моего запястья и пульс, отдающийся в висках. Краем глаза, почти случайно, я заметила на его правой руке золотой ободок. Кольцо. Обручальное. Оно тускло блеснуло в свете неоновых ламп, и в голове тут же пронесся голос Киры, как навязчивое радио: «Папик. Женатый. Идеальный вариант. Секс, подарки — и никаких носков». Я сглотнула. Дыхание сбилось. В груди боролись два чувства — стыд и странное, запретное любопытство.

ВИП-ложа встретила нас мягким полумраком и прохладой кожи диванов. Степан пропустил меня вперед, и я села, чувствуя, как плюшевая обивка принимает мое тело. Отгороженные от общего зала, мы оказались в интимном коконе, где музыка звучала глуше, а воздух был пропитан его запахом. Он опустился рядом, слишком близко. Его бедро почти касалось моего, и от этой близости внутренности скручивало в тугой, сладкий узел.

— Что будешь пить? — его голос звучал мягко, но я знала — это мягкость хищника перед броском.

— Ничего, — мой ответ прозвучал жалко, как писк. Я смотрела в сторону, боясь встретиться с ним глазами.

— Ну зачем отказываешься? — в его интонации скольз-

нула теплая усмешка. Он слегка наклонил голову, пытаясь поймать мой взгляд. — Давай познакомимся, пообщаемся. М?

— Уже познакомились... — пробормотала я, чувствуя себя маленькой мышью перед огромным котом.

И тогда он сделал это. Медленно, плавно, как в замедленной съемке, его рука поднялась. Кончики пальцев коснулись моей скулы, убрали выбившуюся прядь волос за ухо. Движение было нежным, почти невесомым. Но затем эти пальцы скользнули ниже — по линии челюсти, по шее, достигли ключицы. Кожа под ними вспыхнула. Я замерла, перестала дышать. Глаза широко раскрылись, уставившись в одну точку где-то на его расстегнутом вороте рубашки. Прикосновение было интимнее любого поцелуя. Медленное изучение. Проба. От кончиков его пальцев расходились волны жара, растекались по телу, оседая где-то внизу живота тянущей, непривычной тяжестью. Моя грудь, стесненная только тонкой тканью топа, стала вдруг тяжелой и чувствительной. Соски предательски напряглись, и я молилась, чтобы он этого не заметил.

— Ты красивая, Лия, — произнес он тихо, и его голос вибрировал где-то в моем собственном солнечном сплетении. Его палец все еще лежал в ямочке на моей ключице, ощущая, как колотится моя кровь. — Очень красивая. А глаза грустные. Почему грустишь?

— Не грущу, — соврала я, наконец осмелившись вдох-

нуть. Воздух вошел в легкие вместе с его запахом — терпким, мужским, пьянящим.

— Ну я же вижу, — он наконец убрал руку, и я почувствовала почти физическую боль от потери контакта. Но лишь для того, чтобы повелительным, небрежным жестом подзывать официанта. — Ты пила мохито. Будешь?

Я просто кивнула, не в силах говорить. Он сделал заказ — властно, коротко, не глядя на официанта. Тот исчез так же бесшумно, как и появился.

— Вы всегда так подзываете девушек и предлагаете выпить? — мой голос, наконец, обрел какую-то опору, хоть и дрожал. Я пыталась натянуть на себя броню иронии, но выходило плохо.

— Не всегда, — он слегка пожал плечами, откидываясь на спинку дивана, но его взгляд по-прежнему был прикован ко мне. — Но иногда. А ты мне понравилась.

Он говорил просто, без игры. И от этой прямоты становилось еще страшнее. Это не были дежурные комплименты пьяного студента. Это была спокойная констатация факта от взрослого мужчины. От этого кольцо на его пальце словно засияло ярче.

— И что же такого понравилось? — тихо спросила я.

— То, как ты краснеешь, — мгновенно ответил он, и в его глазах мелькнули искры. — Как отводишь взгляд. И то, как под твоей грустью прячется любопытство.

Я снова вспыхнула. Его рука в этот момент опустилась на

мое колено. Просто легла, горячая и тяжелая. Я вздрогнула, но не отодвинулась. В голове боролись паника и дикое, неизведанное возбуждение. Его ладонь, шершавая и уверенная, начала медленное путешествие вверх, по гладкой коже бедра, задирая край моей и без того короткой юбки. Это было неспешно, как у всего, что он делал. Пальцы слегка сжимали мою плоть, изучая, будто пробуя на вкус.

Он не смотрел на свою руку. Он смотрел мне в глаза, загоняя в угол безмолвным, голубым пламенем. «Кира... что же ты советовала...» — билась мысль. Но голос подруги звучал уже не как предупреждение, а как разрешение. «Лучше с первым встречным. Наберешься опыта. Трахнет — огонь».

— Ты напряжена, — прошептал он, подаваясь вперед. Его ладонь лежала уже на середине бедра, большим пальцем вырисовывая те же томные круги, что и на запястье минуту назад. Только теперь это было острее, откровеннее. Там, внутри, все сжималось.

 — Расслабься, Лия.

Я попыталась что-то сказать, открыла рот, но выдох получился беззвучным. И тогда его другая рука поднялась. Кончиками пальцев он коснулся моей скулы, провел линию подбородка. Его ладонь легла на мою щеку, горячая, как печка. Я замерла. Его лицо оказалось совсем близко. Я видела его глаза, темные зрачки, расширенные желанием, чуть колючую щетину, резную линию губ.

Он не спрашивал разрешения. Он брал. Медленно, давая мне время отпрянуть. Но я не отпрянула. Я не могла. Его рот

накрыл мой. Поцелуй был не нежным, не робким. Это был поцелуй-вторжение. Властный, глубокий, с привкусом виски и мужской силы. Его губы были твердыми и горячими, язык, скользнувший в мой рот, не просил — требовал. Он целовал так же, как и смотрел: полностью подчиняя.

Моя голова закружилась. Я перестала слышать музыку. Перестала понимать, где я. Остались только его руки — одна на моем бедре, сжимающая его все крепче, вторая — на моей щеке, фиксирующая мою голову в нужном ему положении. И его рот. Жадный, умелый, жаркий.

Я не отстранилась. Наоборот. С губ сорвался тихий, жалобный стон. Мои собственные руки, до этого сжатые в кулаки на коленях, разжались и сами потянулись к его груди. Ладони уперлись в горячую, твердую плоть под тонкой тканью рубашки. Я чувствовала, как бьется его сердце — мощно, ровно. В отличие от моего, заходящегося в истерике.

И где-то на задворках сознания, уже стираясь в пыль под натиском ощущений, пронеслась последняя, саркастическая мысль: «Лия, ну вот, кажется, ты нашла себе папика...»

Глава 3. Запретная сладость

Он не дал мне опомниться. Поцелуй стал глубже, требовательнее, и я уже не понимала, где заканчивается его дыхание и начинается мое. Голова кружилась, мысли рассыпались осколками, тонули в этом пьянящем, терпком тумане. Я чувствовала, как его пальцы на бедре сжались сильнее, как вторая ладонь, всё еще лежащая на моей щеке, скользнула на затылок, путаясь в волосах. А потом мир качнулся.

Резким, но плавным, животным движением он притянул меня к себе, подхватил, усаживая сверху. Я ахнула в его рот, но протест застрял где-то в горле. Юбка тут же предательски задралась до бедер, и я оказалась на нем, чувствуя под собой твердость его мускулистых бедер, жар его тела сквозь ткань его брюк и мои тонкие трусики. Поза была откровенной, шокирующей, но возбуждающей до дрожи. «Лия, что ты творишь...» — пискнул внутренний голос и захлебнулся.

Степан не прерывал поцелуя. Наоборот, он стал еще жаднее. Его язык хозяйничал в моем рту, зубы слегка прикусывали нижнюю губу, заставляя меня вздрагивать и тихо, беспомощно стонать. Я сидела на нем, коленями по обе стороны от его бедер, и чувствовала, как его возбуждение упирается в меня сквозь одежду. Твердое, горячее, внушительное.

Не прерывая поцелуя, он вслепую нащупал рукой сбоку от дивана какую-то веревку. Дернул. Тяжелая бархатная што-

ра ВИП-ложи с тихим, вкрадчивым шорохом заскользила по карнизу, отрезая нас от внешнего мира. Грохот музыки стал глухим, далеким, как сердцебиение другого мира. Мы остались вдвоем в интимном полумраке, в тесном, уютном коко-не. А затем зажегся свет. Не яркий, нет. Мягкий, алый, кроваво-красный. Он залил диван, его лицо, мои обнаженные бедра, превращая всё в эротический, греховный кадр. Воздух стал плотным, горячим, наполненным нашими сдавленными дыханиями и запахом кожи.

Он оторвался от моих губ, и я, наконец, смогла сделать су-дорожный вдох. Его голубые глаза сейчас казались черными, зрачки затопили радужку. Он смотрел на меня снизу вверх, но это не давало мне власти. Это он управлял мгновением. Он — хищник в багровом полумраке, и я, верхом на нем, всё равно была его добычей.

— Вот так лучше, — его голос был хриплым, низким, пробирающим до самых костей. Руки уже не были нежными. Они стали жадными.

Две горячие ладони легли на мою талию, прошлись вверх по спине, сминая тонкую ткань топа. Я выгнулась, чувствуя, как твердеют соски, соприкасаясь с его грудью. Его пальцы жадно изучали каждый позвонок, каждую лопатку, поднимаясь к плечам и опускаясь обратно. В этом не было робости — только голая, первобытная потребность ощущать.

А затем его руки скользнули ниже, туда, где тонкая полоска моей юбки уже ничего не скрывала. Горячие, широ-

кие ладони легли на мои ягодицы, обтянутые лишь кружевном трусиков. Он сжал их — крепко, властно, — заставляя меня качнуться на нем, сильнее вжаться в его эрегированную плоть. С моих губ сорвался стон, на этот раз громче, смешавшийся с его тяжелым дыханием. Я почувствовала, как между ног становится горячо и влажно. Запретное, опасное, но такое желанное.

Он притянул меня еще ближе для нового поцелуя, и на этот раз я ответила сама. Отчаянно, голодно, забыв обо всем. Его руки продолжали жить своей жизнью, мять и ласкать мои ягодицы, приподнимая и опуская меня в каком-то диком, сладком ритме на своей твердости. Красный свет заливал нашу сцену, делая её ритуальной. И я с ужасом и восторгом понимала — сегодня я переступлю черту. И, кажется, я хочу этого не меньше, чем он.

Его руки замерли на моих бедрах лишь на секунду. Он отстранился, но только для того, чтобы заглянуть мне в глаза. В красном полумраке ложи его зрачки казались бездонными, и в этой бездне пылал огонь. Он смотрел пристально, не мигая, гипнотизируя. Этот взгляд был откровеннее любых ласк — он словно проникал под кожу, читал каждую мою тайную мысль, каждое постыдное желание. И в этом молчаливом диалоге я проигрывала. Я тонула.

Его пальцы медленно, даже лениво, подцепили тонкую бретельку моего топа на левом плече. Движение было плавным, тягучим. Шелковистая ткань скользнула вниз, обнажая

плечо, ключицу. Я перестала дышать. Он все так же смотрел в мои расширенные от ужаса и восторга глаза, когда его пальцы переместились на вторую бретельку. Потянули. Та поддалась с тихим, предательским шорохом.

А затем, не разрывая зрительного контакта, он взял край эластичной ткани и потянул вниз. Медленно. Сладко. Мучительно. Прохладный воздух коснулся моей разгоряченной кожи. Топ скатался до талии, открывая всё.

Моя пышная, тяжелая грудь, больше не сдерживаемая ничем, выпрыгнула на свободу. Белая, молочная кожа в алом свете лампы казалась почти неприличной. Соски, темно-розовые, напряженные до боли, дерзко и беззащитно смотрели прямо на него. С губ сорвался тихий, жалкий писк. Стыд, жгучий и острый, захлестнул меня с головой. Повинуясь инстинкту, я резко вскинула руки, пытаюсь прикрыться, спрятать свою наготу. Ладони легли на грудь, но полностью скрыть ее не могли — слишком пышная, слишком дерзкая.

— Нее... не смотри... — прошептала я, готовая провалиться сквозь землю. Краска залила не только лицо, но и шею, и верхнюю часть груди.

Он не отводил взгляда. Ни на миллиметр. Его глаза горели, блуждая по моему телу, по моим рукам, пытающимся спрятать то, что он уже видел. Уголок его рта дернулся в той самой опасной полуулыбке. Он поймал мои запястья. Крепко, но не грубо. Его пальцы, горячие и сильные, обхватили их и медленно, но неумолимо развели в стороны. Я пробо-

вала сопротивляться, но силы были неравны. Да и желания сопротивляться, если честно, во мне оставалось все меньше.

— Нет, — его голос прошелестел бархатом, но в нем лязгнула сталь приказа. — Не закрывайся.

Он держал мои руки по обе стороны от моих же бедер, заставляя меня сидеть перед ним абсолютно обнаженной по поясу. Грудь вздымалась и опускалась в такт моему прерывистому, тяжелому дыханию. Я чувствовала себя бабочкой, припильенной к бархату. Беспомощной. Прекрасной. Желанной.

— Ты невероятно красивая, Лия, — выдохнул он, и его голос дрогнул от сдерживаемого желания. — Я хочу смотреть на тебя.

Он отпустил мои запястья, но я не шелохнулась. Не посмела. Его ладони легли на мои ребра, большие пальцы почти касались основания моей груди снизу. Он не сжимал, нет. Он просто смотрел, впитывая меня глазами, и по моему телу от этого взгляда бежали мурашки возбуждения. Потому что во взгляде этом не было ни капли пошлости — только голодное, мужское восхищение. Словно я была произведением искусства. Его произведением искусства, которое он только что распаковал.

А затем он наклонился вперед и припал губами к ложбинке между моих грудей. Его горячий рот поцеловал прямо в центр, туда, где колотилось сердце, и я застонала, запроки-

дывая голову назад. Алая тьма приняла меня в свои объятия.

Он не торопился. В этом была его особая, мучительная власть — он растягивал каждое мгновение, превращая его в пытку и наслаждение одновременно. Его горячее дыхание обожгло ложбинку между моих грудей, и я почувствовала, как по коже разбегаются мурашки. Влажный, горячий язык коснулся моей кожи прямо над бешено бьющимся сердцем. Он провел дорожку вверх, к основанию шеи, и я выгнулась, не в силах сдержать рвущийся из горла стон.

— Стони, девочка, — прошептал он, и его голос вибрировал где-то у моего горла. — Здесь только мы. Никто не услышит.

Его руки наконец сомкнулись на моей груди. Не грубо, не жадно — властно. Ладони были горячими, широкими, и моя пышная плоть тонула в них, податливая и беззащитная. Он сжал, пробуя тяжесть, и с моих губ сорвался новый, более громкий стон. Я закусила губу, пытаюсь сдержаться, но когда его большие пальцы провели по напряженным, болезненно-чувствительным соскам, из меня вырвался почти всхлип.

— Чувствительная, — прокомментировал он низким, довольным шепотом. — Мне это нравится.

Он продолжил ласкать меня — медленно, изучающе. Его пальцы кружили вокруг сосков, едва касаясь, дразня, заставляя меня дрожать и подаваться вперед. Ареолы сморщились, соски затвердели до каменной твердости, превратились в два маленьких, ноющих пика. Каждое прикосновение отда-

валось электрическим разрядом где-то глубоко внутри, внизу живота. Там всё сжималось, пульсировало, становилось влажным. Я чувствовала, как кружево трусиков промокло насквозь.

— Пожалуйста... — выдохнула я, сама не зная, о чем прошу. О пощаде? О продолжении?

— Пожалуйста — что? — спросил он с тихим, чувственным смешком. Его пальцы наконец сжали соски, слегка, но достаточно, чтобы я вскрикнула и дернулась. Боль смешалась с удовольствием в гремучий, пьянящий коктейль.

— Не мучай меня... — прошептала я, зажмурившись.

— Я не мучаю, — он наклонился к моему правому соску, и его горячее дыхание обожгло напряженную вершинку. — Я наслаждаюсь тобой.

Его рот накрыл мой сосок, и мир взорвался ощущениями. Горячий, влажный, требовательный — его язык закружил, заиграл, посасывая и слегка покусывая чувствительную плоть. Я закричала — тихо, сдавленно, утопая в этом красном полумраке. Мои пальцы сами собой зарылись в его волосы, сжали, притягивая его голову ближе. Не отталкивая — умоляя о большем. Он сосал, и каждое движение его губ отдавалось тянущей, сладкой судорогой внизу живота. Там, между ног, всё пульсировало в такт его рту.

Он переключился на левую грудь, не оставляя вниманием и правую — его пальцы продолжали ласкать, крутить, пощипывать влажный от его слюны сосок. Я извивалась на нем,

бедра сами собой начали тереться о его твердую, каменную эрекцию. Ткань его брюк терлась о мои кружевные трусики, и каждое движение посылало новые волны удовольствия. Я страдала. Да, именно страдала — от желания, которое он разжег, но не утолял. Каждая клеточка моего тела кричала, умоляла о большем. Внутренние мышцы сжимались в пустоте, требуя наполнения. Я никогда не чувствовала ничего подобного — этой пульсирующей, ноющей, сводящей с ума потребности.

— Степан... — простонала я его имя, и это прозвучало как мольба. Как признание в полной, абсолютной капитуляции.

Он оторвался от моей груди, и его губы блестели в алом свете. Он посмотрел на меня — раскрасневшуюся, запыхавшуюся, с припухшими от поцелуев губами и глазами, полными мучительного, неутоленного желания. Его улыбка была полна темного, первобытного удовлетворения.

— Я еще даже не начинал, девочка, — прошептал он, и его рука скользнула вниз, туда, где между моих разведенных бедер пылал мокрый, горячий огонь. Его пальцы коснулись кружева, и я замерла, перестав дышать. — А ты уже такая влажная. Так быстро.

Я всхлипнула, уткнувшись лбом в его плечо. Стыд и желание разрывали меня на части. Но когда его палец скользнул под мокрое кружево и коснулся самой чувствительной точки, я забыла о стыде. Осталось только чистое, обнажен-

ное, мучительное наслаждение. И он знал это.

Он отстранился, но лишь для того, чтобы посмотреть на меня и он медленно, почти лениво погладил ткань, отчего по моему телу пробежала судорожная дрожь. В красном свете его улыбка была порочной, довольной.

— Талантливо течешь, малышка, — протянул он низким, вибрирующим голосом.

Я хотела провалиться сквозь землю, но вместо этого лишь всхлипнула и сильнее вжалась в него. Его палец снова погладил ткань там, где она промокла насквозь, и я застонала, пряча лицо. Но он не дал мне долго прятаться. Внезапно, одним сильным и плавным движением, он подхватил меня под ягодицы и встал. Я ахнула, рефлексивно обвила его шею руками, прижалась обнаженной грудью к его горячей рубашке. Он нес меня, а я чувствовала, какая я маленькая и легкая в его стальных руках.

Глава 4. Точка невозврата

Он толкнул какую-то потайную дверь в глубине ВИП-ложи — я и не заметила ее раньше. Неприметная, обитая темной кожей, она скрывала маленькую, интимную комнату. Здесь было тихо, царствовал мягкий золотистый полумрак. Единственный источник света — тусклый ночник у огромной кровати, застеленной черным шелком. Шторы на окнах плотно задернуты.

— Хочу тебя, — сказал он просто, и от этих слов мое сердце пропустило удар.

Он опустил меня на кровать, и я утонула в прохладном, скользющем шелке. Простыни обняли мою обнаженную спину, и от контраста горячей кожи и холодной ткани по телу побежали мурашки. Я лежала перед ним — топ спущен до талии, грудь обнажена и вздымается в такт дыханию. Он стоял надо мной и медленно, не сводя с меня потемневших глаз, начал расстегивать пуговицы своей рубашки.

Одна за другой. Медленно. Мучительно. Ткань распахивалась, открывая мощную, рельефную грудь. Широкая, с твердыми плитами грудных мышц, с дорожкой темных волос, убегающей под ремень брюк. Я сглотнула, не в силах отвести взгляд. Затем он сбросил рубашку на пол, и она легла белым облаком у его ног. Его пальцы взялись за ремень. Пряжка звякнула, молния брюк поползла вниз с тихим, ин-

тимным треском. Он снял штаны, оставшись в одних черных боксерах, обтягивающих мощные бедра и — я не могла не заметить — внушительную эрекцию.

Я замерла. Лежала на черном шелку с обнаженной грудью и смотрела на него, словно кролик на удава. Страх и желание боролись во мне.

Он подошел ближе босиком, ступая мягко, как хищник. Опустился на край кровати. Его рука легла на мою лодыжку, скользнула вверх по голени, по колену. Пальцы подцепили край моей юбки и трусиков одновременно.

— Нет... — выдохнула я, но это был скорее рефлекс, чем настоящий протест.

Он не слушал. Медленно, плавно, он стянул с меня остатки одежды. Юбка, трусики — всё полетело на пол. Я осталась полностью обнаженной. Совершенно голой. Перед ним. Я инстинктивно попыталась сжать ноги, прикрыться, но он уже был там. Его пальцы коснулись моих влажных, припухших складочек, и я ахнула, дернувшись, как от удара током. Ноги сжались, колени свелись вместе.

— Ну-у-у, малышка, — протянул он с тихим, хриплым смешком. Его рука легла на мое колено, не давя, но настойчиво разводя бедра в стороны. — Мы же оба знаем, зачем ты и я здесь. Не прячься.

Я покраснела до корней волос, мои щеки пылали. Он развел мои ноги, открывая самое сокровенное, и я зажмурилась. Не могла смотреть ему в глаза.

— Или ты неопытная? — его голос вдруг стал серьезнее, в нем мелькнуло любопытство.

Я не ответила, лишь залилась краской еще гуще, пытаюсь отвернуться, спрятать лицо в шелковой подушке.

— О-о-о, так ты совсем малышка? — в его голосе прозвучало удивление, смешанное с темным, собственническим восторгом. — Девочка моя...

Его палец, горячий и влажный, скользнул в мои мокрые складки. Нашел вход. И медленно, осторожно, но неумолимо вошел внутрь. Всего на одну фалангу. Но этого хватило. Я взвизгнула, дернувшись от странного, нового ощущения распираания и проникновения. Мое тело было узким, непривычным к вторжению, и мышцы тут же сжались вокруг его пальца, словно пытаюсь вытолкнуть чужака.

Глаза Степана округлились. Они вспыхнули таким голодным, таким первобытным торжеством, что у меня перехватило дыхание.

— Такая сочная... — прошептал он, его голос сел от желания. — И девственница... Боже мой, какая ты узкая. Просто невероятно.

Он медленно вынул палец. Я смотрела, как он поднес его к губам и облизал — медленно, смакуя мой вкус. Его глаза смотрели прямо на меня, и в этом жесте было что-то настолько интимное, настолько развратное, что я залилась краской заново, чувствуя, как горят даже кончики ушей.

— Сладкая, — вынес он вердикт, и его голос вибрировал

удовольствием. — Моя сладкая, нетронутая девочка.

Он наклонился надо мной, упираясь руками по обе стороны от моих плеч. Его лицо было в нескольких сантиметрах. Я чувствовала его дыхание, его запах, его силу. И в его глазах читалось обещание — сегодня он станет моим первым и он не собирается торопиться.

— Я возьму тебя, — его голос, низкий и хриплый, прокатился по моему телу, как раскат грома. — Ты попала в мои руки, малышка и от меня не сбежать.

Он замолчал на секунду, давая словам осесть в моем сознании. Его большой палец коснулся моих припухших от поцелуев губ, обвел контур, и я задрожала.

— Тебе понравится, — добавил он, и это прозвучало не как обещание. Как приговор. Сладкий, неизбежный приговор.

Он поцеловал меня. На этот раз не жадно, не грубо — глубоко, тягуче, подчиняюще. Его язык проник в мой рот, и я ответила, несмело, но искренне. Мои руки сами потянулись к его плечам, вцепились в горячую, твердую плоть. Я чувствовала его вкус. Поцелуй затягивал, как омут.

А его рука в это время скользнула вниз. Горячая ладонь легла на мой живот, погладила, заставляя мышцы поджиматься под его касанием. Затем ниже. Пальцы коснулись гладкой, нежной кожи лобка.

Горячие, влажные складочки раскрылись под его пальцами, как нежные лепестки. Я застонала прямо в его рот, когда

его палец прошелся по всей длине моей дырочки — от входа до самой чувствительной точки. Нашел крошечный, напряженный бугорок клитора, теперь ничем не скрытый, полностью открытый для ласки. Коснулся его легким, почти неведомым движением.

— Ммм... — мой стон был приглушен поцелуем, но тело предало меня с головой. Бедра дернулись навстречу его руке, спина выгнулась, отрываясь от шелковых простыней.

Он оторвался от моих губ лишь затем, чтобы посмотреть мне в глаза. Его палец начал вырисовывать медленные, мучительно-сладкие круги прямо по гладкому, незащищенному бугорку, едва касаясь, не давая настоящего давления. Дразнил. Мучил. Я кусала губы, пытаюсь сдержать рвущиеся стоны, но они всё равно вырывались — тихие, жалобные, полные неутоленной потребности.

— Не сдерживайся, — прошептал он, и его горячее дыхание обожгло мое ухо. — Я хочу слышать, как тебе хорошо. Хочу слышать каждый твой стон.

Его пальцы стали смелее. Он раздвинул мои влажные складочки, погрузил один палец глубже — туда, где было горячо, узко и непривычно. Я всхлипнула, чувствуя, как мои мышцы сжимаются вокруг него. Но он не торопился проникать глубже. Вместо этого он продолжал ласкать клитор — теперь круговыми, настойчивыми движениями, с легким нажимом прямо по гладкой, чувствительной плоти, от которого перед глазами начинали плясать искры.

Я застонала громче, уже не в силах контролировать себя. Мои бедра начали двигаться сами по себе, подстраиваясь под ритм его руки. Всё внутри сжималось в тугую, пульсирующий узел. Я не знала, что такое возможно — это нарастающее, затапливающее удовольствие, которое поднималось откуда-то из глубины, грозя захлестнуть с головой.

— Вот так, девочка, — его голос звучал у самого моего уха, низкий и одобряющий, пока его пальцы продолжали свою волшебную, невыносимую работу. — Отдайся ощущениям. Просто чувствуй.

Я извивалась под ним. Спина выгибалась, бедра метались по черному шелку, пальцы судорожно сжимали его плечи, царапали горячую кожу. Он продолжал ласкать меня — медленно, умело, неумолимо. Его палец скользил по моим влажным, припухшим складочкам, а большой палец вырисовывал круги на клиторе — гладком, открытом, безумно чувствительном.

— Ах... Степан... — его имя сорвалось с моих губ вместе со стоном, громким, протяжным, неприличным. Я никогда не слышала от себя таких звуков. Они были чужими, дикими, полными животной потребности.

Он смотрел на меня сверху, не отрываясь. Его глаза горели, впитывая каждое мое движение, каждый всхлип, каждую судорогу удовольствия. Он наслаждался моей реакцией так же, как и самим процессом. Мой стон был для него лучшей музыкой.

— Боже, какая же ты чувствительная, — выдохнул он, и в его голосе смешались восхищение и темное, собственническое удовлетворение. Его пальцы ускорили ритм, надавили чуть сильнее, и я вскрикнула, закусывая губу до боли.

— Да... стони еще, — приказал он низким, хриплым шепотом. — Не смей сдерживаться. Я хочу слышать тебя.

Он двинул пальцами глубже, погружаясь в мою влажную, горячую глубину — осторожно, но настойчиво. Я ахнула, чувствуя, как меня растягивает изнутри. Мое тело, узкое и нетронутое, сопротивлялось, но в то же время жаждало большего. Он двигал пальцами внутри меня, в то время как его большой палец продолжал терзать мой клитор.

— Пожалуйста... — всхлипнула я, сама не зная, о чем молю. О пощаде? О большем? Я потерялась в ощущениях, растворилась в них.

— Пожалуйста — что? — прошептал он, наклоняясь к моему уху. Его горячее дыхание обожгло шею, вызвало новую волну мурашек. Его пальцы внутри меня изогнулись, находя какую-то особую точку, и я закричала — громко, сдавленно, утопая в удовольствии.

— Вот так... — его голос дрожал от сдерживаемого желания. — Кричи для меня, малышка. Здесь нас никто не услышит.

И я кричала. Стонала, всхлипывала, извивалась на черном шелке, пока его умелые пальцы вели меня к чему-то огромному, неведомому, пугающему. Мои бедра дрожали,

живот сводило сладкими спазмами, а внизу всё пульсировало и сжималось, готовое взорваться.

Он чувствовал это. Видел, как я приближаюсь к краю. И его губы растянулись в самой опасной, порочной улыбке, которую я видела в своей жизни.

Я больше не принадлежала себе. Мое тело стало отдельным существом, которое он подчинил полностью. Пальцы внутри меня двигались ритмично, настойчиво, а большой палец на клиторе выписывал мучительные круги. Мышцы живота свело судорогой, бедра задрожали, дыхание стало рваным, прерывистым.

— О боже... ах... ах... — я хватала ртом воздух, не в силах остановить приближающееся.

— Давай, малышка, — его голос звучал откуда-то издалека, но каждое слово проникало в самую душу. — Отпусти. Отдайся. Я держу тебя.

И я сорвалась. Волна накрыла меня с головой. Перед глазами вспыхнули белые искры, тело выгнулось дугой, с губ сорвался громкий, протяжный крик. Меня трясло, мышцы внутри сжимались в бешеном ритме вокруг его пальцев. Это было похоже на взрыв — ослепительный, оглушительный, стирающий все мысли. Я кончала впервые в жизни под чужой рукой, и это было настолько остро, настолько всепоглощающе, что из глаз брызнули слезы.

Он не останавливался. Провел меня через всю волну, смягчая движения, пока мои судороги не стихли. Я обмяк-

ла на шелковых простынях, тяжело дыша, мокрая от пота и слез, все еще подрагивая в остаточных спазмах.

— Это не всё, малышка, — прошептал он.

Я едва успела приоткрыть глаза, как почувствовала новое вторжение. Он ввел второй палец — медленно, осторожно, но неумолимо. Я ахнула. Ощущение растяжения было более интенсивным, мои узкие стенки сопротивлялись, но сдавались под его настойчивостью. Два пальца заполняли меня, раздвигали, готовили к чему-то большему.

— Узкая... невероятно... — выдохнул он, и его голос дрожал от желания.

А затем он начал опускаться. Его губы прошлись по моему животу, поцеловали пупок, спустились ниже. Горячее дыхание обожгло гладкую кожу лобка. Я поняла, что он собирается сделать, за секунду до того, как его рот накрыл меня там.

— О Боже! — я вскрикнула, дернувшись всем телом.

Его язык был горячим, влажным, невероятно мягким. Он провел им по всей длине моей щели — медленно, смакуя, будто пробовал деликатес. А затем сосредоточился на клиторе — моем бедном, измученном, гиперчувствительном бугорке, который пульсировал после только что пережитого оргазма.

Я закричала. Мои пальцы вцепились в его волосы, не зная — оттолкнуть или притянуть ближе. Он лизал клитор круговыми движениями, посасывал, слегка покусывал, в то время как два пальца внутри меня продолжали двигаться, рас-

тягивать, заполнять. Двойная стимуляция сводила с ума. Я металась по кровати, извивалась, стонала его имя, молила и проклинала одновременно.

— Степан... пожалуйста... я не могу... слишком... — всхлипывала я, но мои бедра сами подавались навстречу его рту.

Он не слушал. Он пил меня, поглощал, наслаждался каждой моей реакцией. Его язык вытворял невероятные вещи — то обводил клитор медленными кругами, то быстро и жестко терзал кончиком, то втягивал в рот и посасывал, заставляя меня срываться в новый, еще более мощный оргазм. А пальцы внутри меня находили ту самую точку, надавливали, поглаживали, растягивали...

— Кончи для меня еще раз, — прошептал он, отрываясь на секунду, и его губы блестели от моих соков. — Я хочу, чтобы ты кончила от моего языка, малышка.

И он снова припал ко мне, удваивая усилия. Его пальцы двигались быстрее, язык терзал клитор, а я уже снова стояла на краю, балансируя над пропастью, готовая рухнуть в нее с головой.

Его язык не останавливался. Горячий, влажный, неутомимый — он терзал мой клитор, пока пальцы внутри меня продолжали свое ритмичное, мучительное движение. Я уже не понимала, где заканчивается одна волна и начинается другая. Мое тело превратилось в один сплошной, пульсирующий сгусток удовольствия. Слезы катились по щекам, сто-

ны перешли в сдавленные крики, бедра метались по смятому черному шелку.

— Степан... я сейчас... я опять... — я не могла связно говорить, слова рассыпались на слоги, утопая во всхлипах.

— Давай, — его голос вибрировал прямо там, у самой моей сердцевины. — Я чувствую, как ты сжимаешься. Отпусти. Я поймаю.

И я рухнула. Второй оргазм был еще мощнее первого. Он накрыл меня черной, обжигающей волной, перед глазами взорвались фейерверки, тело забилося в судорогах. Я кричала — громко, без стыда, без контроля. Из меня хлынула влага, и я почувствовала, как она течет по его пальцам, по его губам, по моим бедрам. Меня выгнуло дугой, мышцы внутри сжимались в бешеном ритме, выдаивая каждый спазм до последней капли.

Он не прекращал, пока меня не отпустило. Только когда я обмякла, дрожа и всхлипывая, он наконец оторвался. Поднял голову, и я увидела его лицо — губы блестели, подбородок влажный, в глазах горел голодный, первобытный огонь.

— Ох, ни хера как кончаешь, — выдохнул он, и в его голосе было искреннее, почти благоговейное восхищение. — Аж течешь... маленькая, да твое тело создано для секса.

Я покраснела до корней волос. От его слов, от того, как он смотрел на меня, от собственной незащитной наготы. Он встал с кровати, вытирая губы тыльной стороной ладони. Его глаза ни на секунду не отрывались от меня — раскраснев-

шейся, растрепанной, распластанной на черном шелке.

А затем он спустил боксеры.

Я замерла. Воздух застрял в легких. Сердце пропустило удар, а затем забилось где-то в горле. Его член был огромным. Толстый, длинный, с налитой, блестящей головкой, которая дерзко выступала из крайней плоти. Вдоль ствола шли темные вены. Он был... пугающим. Внушительным. Таким, от которого невозможно отвести взгляд, даже если очень хочется.

Он заметил мой шок. Уголок его рта дернулся в легкой, понимающей усмешке. Он провел своей рукой по стволу — медленно, от основания до самой головки, и член дернулся, качнулся под его ладонью. Я сглотнула. Мои глаза расширились, щеки залила краска.

— Будет больно, маленькая, — сказал он тихо, но его голос звучал мягко, почти нежно. Он снова опустился на кровать, нависая надо мной. Его вес вдавил меня в шелк, его жар окутал, как одеяло. — Но боль пройдет. Обещаю. А потом тебе понравится.

Его губы коснулись моего лба в неожиданно нежном поцелуе. Такой контраст — этот огромный, пугающий мужчина с телом хищника и этим почти благоговейным жестом. Я всхлипнула, все еще дрожа после оргазмов, но мои руки сами потянулись к нему. Обвили его шею. Притянули ближе.

— Я боюсь, — прошептала я честно.

— Знаю, — он посмотрел мне в глаза, и в его взгляде было

что-то, чего я не ожидала — забота, смешанная с темным голодом. — Но я обещаю быть осторожным. Насколько смогу.

Его рука скользнула вниз, направляя член к моему входу. Головка коснулась мокрых, припухших складочек, и я вздрогнула. Она была горячей, твердой, огромной. Он провел ею по моей щели вверх-вниз, собирая влагу, смазывая, готовя меня. Мое тело все еще пульсировало после оргазмов, мышцы были расслаблены, но все равно — он был слишком большим. Слишком.

— Расслабься, — прошептал он мне в губы. — Доверься мне, Лия. Сейчас ты станешь моей.

Его глаза не отпускали мои. В них горел темный, первобытный огонь. Он все еще медлил, хотя каждая мышца его тела была напряжена до предела. Я чувствовала, как его член пульсирует у моего входа — горячий, огромный, готовый.

— Расслабься, малышка, — прошептал он, и это был почти приказ. — Сейчас будет немного больно. Но ты справишься.

Он надавил.

Головка начала входить — медленно, неумолимо, растягивая меня. Я почувствовала, как мое тело сопротивляется, как узкие мышцы сжимаются, пытаюсь не пустить чужака. А затем — резкая, острая вспышка. Я вскрикнула и моя рука инстинктивно метнулась вниз. Пальцы сомкнулись на его члене, обхватили толстый ствол, пытаюсь остановить, замедлить вторжение. Это вышло само собой — рефлекс испуган-

ной девственницы, которая еще не готова.

Он застонал. Громко. Протяжно. Его глаза закатились, голова запрокинулась назад, обнажая мощную шею с бьющейся на ней жилкой. Член дернулся в моей руке и внутри меня одновременно — горячий, пульсирующий, живой.

— Боже... малышка, — его голос был хриплым, сдавленным, полным мучительного наслаждения. — Да ты точно талантлива... Отпусти, Лия, или я кончу прямо сейчас. А я хочу, чтобы ты кончила первой.

Я попыталась расслабиться, разжать пальцы. Это было невероятно трудно — отпустить контроль, довериться ему полностью. Но я сделала это. Моя рука скользнула с его члена, легла на его плечо, вцепилась в горячую кожу. Он поймал мой взгляд.

— Умница, — выдохнул он. — А теперь держись.

Он дернул бедрами вперед — резко, мощно, прорывая последнюю преграду. Я закричала. Боль была острой, пронзительной, разрывающей. Она прошиба низ живота раскаленной спицей, и на мгновение мне показалось, что я теряю сознание. Мое тело сжалось вокруг него в судорожном спазме, пытаюсь вытолкнуть, защититься.

— Вот так, маленькая, — его голос доносился сквозь туман боли. Его губы коснулись моих мокрых от слез щек, собрали соленые капли. — Теперь ты женщина. Моя женщина.

Слезы текли по лицу, капали на черный шелк. Я всхлипывала, дрожа всем телом. Он замер внутри меня, давая при-

выкнуть, давая боли утихнуть. Его большой палец стер дорожку слез с моей щеки. Его лоб прижался к моему.

— Расслабься, Лия, — прошептал он, и его дыхание смешалось с моим. — Боль пройдет. А теперь... дай мне трахнуть тебя как следует.

Он поцеловал меня — глубоко, нежно, отвлекая. Его язык проник в мой рот, и я ответила, цепляясь за этот поцелуй, как за спасательный круг. Его рука скользнула вниз, пальцы нашли мой клитор, начали ласкать его круговыми движениями. Боль постепенно отступала, сменяясь новым, странным ощущением наполненности. Я чувствовала себя растянутой, заполненной до предела, но в этом было что-то... правильное. Что-то, чего мое тело ждало, само того не зная.

И тогда он резко вошел полностью. До самого основания. Так глубоко, что я почувствовала его везде — в животе, в горле, в самой душе.

Я выгнулась дугой, вскрикнув. Но на этот раз в крике было больше удовольствия, чем боли. Он заполнил меня всю. Каждый сантиметр. Каждую клеточку. Его лобковые кости прижались к моему гладкому лобку, и в этом контакте было что-то животное, первобытное.

— Вот так... — прохрипел он, и я чувствовала, как его член пульсирует глубоко внутри. — Теперь ты полностью моя. Каждый сантиметр тебя мой, Лия.

Он замер на мгновение, давая мне прочувствовать его полностью. Я ощущала каждый сантиметр его огромного

члена внутри себя — как растягивает меня, как заполняет. Мои мышцы сжимались вокруг него, пытаюсь привыкнуть к вторжению, и каждое такое сжатие вызывало у него глухой, сдавленный стон.

— Боже, Лия... — выдохнул он, уткнувшись лбом в мой лоб. — Ты такая узкая. Такая тугая. Я чувствую каждое твое сжатие.

Он начал двигаться. Медленно. Мучительно медленно. Выходил почти полностью, оставляя внутри только головку, и затем снова погружался — глубоко, плавно, заполняя меня до основания. Это был ритм, который сводил с ума. Я чувствовала, как его толстый ствол скользит по моим растянутым, чувствительным стенкам.

— Ах... ах... да... — стонала я, сама не узнавая свой голос. Он звучал низко, хрипло, пропитанный похотью.

— Нравится? — его голос был напряженным, сдерживаемым. Он смотрел мне в глаза, наблюдая за каждой моей реакцией. — Скажи, как тебе нравится, малышка.

— Нравится... очень... — выдохнула я, и это была чистая правда. Боль ушла, сменившись нарастающим, тягучим удовольствием.

— Хорошая девочка, — прошептал он и ускорил темп. Теперь он входил в меня быстрее, глубже, с каждым толчком погружаясь до самого основания. Его бедра двигались ритмично, мощно, вбивая меня в черный шелк. Кровать скрипела под нами, вторя ритму нашего соития. Его руки

блуждали по моему телу — сжимали грудь, ласкали соски, скользили по талии, по бедрам, оставляя на коже огненные следы. Он наклонился и взял мой сосок в рот, посасывая его в такт движениям, и я выгнулась, вскрикнув от двойного удовольствия.

— Ты такая сладкая, — прошептал он, переключаясь на вторую грудь. — Я мог бы трахать тебя вечно.

— Да... трахай меня... — слова сорвались с моих губ прежде, чем я успела их осмыслить. Я никогда не говорила так. Никогда даже не думала, что смогу. Но с ним... с ним всё было иначе.

Он зарычал — низко, утробно, животно. Его движения стали резче, глубже. Он подхватил мои бедра, приподнял их, меняя угол проникновения, и я закричала — его член теперь задевал какую-то особую точку глубоко внутри, ту самую, о существовании которой я даже не подозревала. Каждый толчок попадал точно в нее, посылая по телу волны электрического удовольствия.

— Здесь? Вот так тебе нравится? — он заметил мою реакцию и сосредоточился на этом угле. Его движения стали более нацеленными, размеренными, каждое погружение било в одну точку.

— Да! Да! Да! — я уже не контролировала себя. Мои ноги обвили его талию, притягивая ближе, глубже, сильнее. Пятки вдавливались в его ягодицы, подгоняя, умоляя о большем. — Еще... пожалуйста... глубже...

— Такая ненасытная, — усмехнулся он, но в его голосе было лишь восхищение. — Кто бы мог подумать, что моя маленькая недотрога окажется такой дикой.

Он перевернул меня — одним сильным, ловким движением. Теперь я была сверху, сидела на нем, а он лежал на спине, раскинувшись на черном шелке. Его член оставался внутри меня. Я ахнула от перемены положения. Теперь я сама контролировала глубину. И это было... ошеломляюще.

— Двигайся, малышка, — приказал он, и его руки легли на мои бедра, направляя. — Покажи мне, как ты хочешь.

Я начала двигаться — сначала неуверенно, робко, затем всё смелее. Приподнималась и опускалась, насаживаясь на его член, чувствуя, как он проникает всё глубже, как заполняет меня до самого предела. Его руки сжимали мои бедра, оставляя следы пальцев на нежной коже. Он смотрел на меня снизу вверх — на мою пышную грудь, подпрыгивающую в такт движениям, на раскрасневшееся лицо, на приоткрытые в стоне губы.

— Какая же ты красивая, — выдохнул он. — Особенно когда скачешь на мне. Моя девочка. Только моя.

Он резко сел, притягивая меня к себе. Теперь мы были лицом к лицу, грудь к груди. Его руки обхватили мою спину, прижимая ближе, а бедра начали двигаться снизу вверх — мощно, глубоко, вбиваясь в меня. Я обвила его шею, прижалась всем телом, стонала ему в рот, пока его язык проникал между моих губ. Мы целовались жадно, глубоко, синхронно

с движениями наших тел.

— Скажи, что ты моя, — прошептал он, отрываясь от моих губ. Его глаза горели, голос срывался от страсти. — Скажи, Лия.

— Я твоя... — простонала я, и это было самое честное признание. — Полностью твоя...

Он застонал, зарылся лицом в мою шею, и его ритм стал неровным, рваным. Я чувствовала, как его член набухает внутри меня еще больше, как движения становятся короче, глубже. Он был близок. И я тоже.

— Я хочу, чтобы ты кончила со мной, — его палец снова нашел мой клитор, начал терзать его быстрыми, круговыми движениями. — Давай, малышка. Вместе.

И мир снова взорвался. Третий оргазм накрыл меня, затапливая, ослепляя. Я закричала, вцепившись в его плечи, чувствуя, как мои мышцы сжимаются вокруг его члена в бешеном ритме. И он последовал за мной — с громким, животным рыком излился глубоко внутрь, заполняя меня горячей спермой. Его тело сотрясилось вместе с моим, мы дрожали в объятиях друг друга, пока волны оргазма отступали, оставляя нас обессиленными и пресыщенными.

Он рухнул на спину, увлекая меня за собой. Я лежала на его груди, чувствуя, как его сердце колотится под моей щекой. Его член всё еще был внутри меня, теперь мягкий, но всё такой же большой.

— Это было... — я не могла подобрать слов.

— Невероятно, — закончил он за меня. Его рука лениво гладила мою спину. — Ты невероятная, Лия.

Мы лежали в тишине, нарушаемой только нашим дыханием. Его пальцы вырисовывали узоры на моей коже, губы касались макушки. Я чувствовала себя опустошенной и наполненной одновременно. Разрушенной и целой. Его.

— И это только начало, — прошептал он мне в волосы. — Я еще не закончил с тобой.

Я лежала на его груди, всё ещё ощущая внутри себя отголоски пережитого удовольствия. Мышцы сладко ныли, тело было вязким и невесомым одновременно, а в голове стоял туман — густой, тёплый, обволакивающий.

— Не закончил? — переспросила я тихо, и мой голос прозвучал хрипло, чуждо. Голос женщины, которой я стала только что.

Он усмехнулся — я почувствовала это всем телом, как вибрация прошла от его груди к моей. Его рука скользнула вверх по моему позвоночнику, запуталась в растрепанных волосах, слегка потянула, заставляя поднять голову и посмотреть на него.

— Не-е, — протянул он, и его большой палец коснулся моих припухших от поцелуев губ. — Я с тобой ещё не закончил, Лия.

Он замолчал на мгновение, изучая моё лицо. А затем его рука скользнула с моих губ вниз, по шее, по ключице, и остановилась где-то у основания груди. Жест был не столько эро-

тическим, сколько собственническим.

— Номер телефона, — произнёс он тоном, не терпящим возражений. — Дай.

Я моргнула. В голове — где-то далеко, на задворках сознания — снова пронёсся голос Киры. *«Девочка папика. Почти постоянная. Секс, подарки, море. Идеально»*. Тогда, в клубе, это звучало как циничная шутка. Теперь же... я лежала обнажённая в постели с женатым мужчиной, который только что лишил меня девственности, и моё тело всё ещё пело от его прикосновений. Я переступила черту. Стала той самой «девочкой». И самое страшное — я не жалела.

— Будем с тобой... видеться, — продолжил он, и это прозвучало не как вопрос. Как утверждение. Как план, который он уже составил.

Его свободная рука потянулась куда-то в сторону, к прикроватной тумбочке. Он нащупал свой телефон — дорогой, последней модели, с тускло горящим экраном. Поднес его к моему лицу.

— Вводи, — сказал он просто.

Мои пальцы дрожали, когда я взяла телефон. Экран был тёплым от его рук. Я набрала свой номер — медленно, всё ещё не веря в происходящее. Он смотрел на меня, не отрываясь, и в этом взгляде было обещание. Или предупреждение.

— Умница, — произнёс он, когда я вернула ему телефон. Его губы растянулись в ленивой, довольной улыбке. Он нажал кнопку вызова, и где-то в моей сумочке, брошенной в

углу комнаты, завибрировал мой собственный телефон.

— Теперь ты никуда не денешься, — он произнес это низким, бархатным голосом, от которого по моей спине снова побежали мурашки. — Я тебя нашёл, Лия. И я тебя не отпущу.

Он притянул меня к себе для нового поцелуя — на этот раз медленного, тягучего, пропитанного не столько страстью, сколько собственнической нежностью. Его губы были мягкими, язык неторопливым, и в этом поцелуе я прочитала гораздо больше, чем в любых словах. Это не было концом. Это было только началом. Началом того, чего я не планировала, но против чего моё тело — и, кажется, сердце — совсем не возражало.

Где-то в клубе, за тяжёлой дверью ВИП-ложи, всё ещё гремела музыка. А я лежала в объятиях мужчины, который перевернул мой мир за один вечер, и понимала — обратной дороги нет.

Он притянул меня ближе, укладывая мою голову на своё плечо. Его пальцы всё ещё рассеянно поглаживали мою спину, но взгляд стал более сосредоточенным, расчётливым. Таким, каким смотрят на выгодную сделку.

— Раз уж я лишил тебя девственности, — начал он, и в его голосе слышалась та самая ленивая, собственническая уверенность, — и ты так талантливо сжимаешь мой член собой... аж до сих пор помню, как ты меня стиснула.

Он замолчал, переживая воспоминание.

— Теперь буду звонить тебе часто, — продолжил он, глядя мне прямо в глаза. — Очень часто. Много.

— Зачем? — спросила я тихо, хотя уже знала ответ.

— Повторять, маленькая, — он наклонился и легко, почти невесомо поцеловал кончик моего носа. — Повторения хочу. Такого же. И больше. Гораздо больше.

Его рука скользнула по моему животу, задержалась на гладкой коже лобка. Жест был интимным, хозяйским, и я вздрогнула от его прикосновения.

— Только таблетки нужны, — добавил он деловым тоном. — Противозачаточные. Чтобы я мог кончать в тебя. Всегда. Без преград.

Моё сердце пропустило удар. Он говорил об этом так просто, так буднично, словно обсуждал меню ужина. Но за этими словами стояло обещание. Много раз. Часто. С ним. И он будет кончать в меня — глубоко, как только что. От одной мысли об этом мои щёки залились румянцем, а внизу живота что-то предательски сжалось.

— Хорошо, — выдохнула я, понимая, что уже не принадлежу себе. Что моё тело, мои решения, мои желания теперь связаны с этим мужчиной.

— Вот и замечательно, — он удовлетворённо кивнул.

Он начал одеваться. Движения были спокойными, уверенными — так двигаются мужчины, которые привыкли контролировать всё и всех. Поднял с пола брюки, натянул их. Я залюбовалась его телом — мощной спиной, рельефными

мышцами, тем, как играют лопатки под загорелой кожей при каждом движении. Затем рубашка — он набросил её на плечи, но застёгивать не стал, оставив грудь открытой.

Он потянулся к пиджаку, висящему на спинке стула и достал из внутреннего кармана кошелёк. Кожанный, дорогой, явно брендовый. Щелчок — он открыл его. Шелест купюр. Я смотрела, затаив дыхание, как он вынимает несколько крупных банкнот, не считая. Просто вытаскивает пачку и кладёт её на тумбочку рядом с кроватью. Деньги легли с глухим, весомым звуком. Много денег.

— Тебе на побрякушки, — сказал он небрежно, даже не глядя на купюры.

Я замерла. Слова Киры снова всплыли в памяти: *«Подарочки, деньги, секс... идеально».* Но теперь, глядя на эти деньги, я почувствовала не радость и не унижение. Что-то среднее. Странное, тягучее чувство, смешанное из стыда, возбуждения и какого-то извращённого комфорта. Я стала той самой «девочкой папика». Мужчина заплатил мне за секс. За мой первый секс. Но это не было грязно. Это было... по-взрослому. Как часть сделки, которую я приняла в ту секунду, когда не отдернула руку в клубе.

Он застегнул ремень, поправил ворот рубашки и повернулся ко мне. Его взгляд прошёлся по моему обнажённому телу, всё ещё распластанному на простынях — оценивающе, но с оттенком нежности. Подошёл. Наклонился. Поцеловал в лоб, и от этого простого, почти целомудренного жеста моё

сердце сжалось сильнее, чем от всего, что было до.

— Я позвоню, — сказал он тихо. — Жди.

И вышел. Дверь закрылась за ним с мягким щелчком. Я осталась одна в комнате с красным светом, смятыми простынями, запахом его тела на коже и пачкой денег на тумбочке. И с осознанием, что моя жизнь только что разделилась на «до» и «после».

Я еще долго лежала неподвижно, глядя в темный потолок и слушая, как затихает эхо его шагов за дверью. Красный свет ночника все еще горел, заливая комнату греховным, бордовым полумраком. Простыни подо мной были влажными и смятыми, хранящими тепло наших тел. Воздух всё ещё пах им — терпким парфюмом, мужским потом, сексом. Запах, который вьелся в мою кожу, в волосы, в самую душу.

Наконец, преодолевая слабость во всём теле, я заставила себя подняться. Мышцы ныли — особенно там, внутри, где до сих пор ощущалось фантомное присутствие его члена. Между ног саднило, каждое движение отдавалось тупой, но уже привычной болью. Я села на край кровати, свесив босые ноги на пол. Чёрный шёлк соскользнул с моего тела, и я осталась сидеть полностью обнажённой, ощущая прохладу кондиционированного воздуха на разгорячённой коже.

Медленно встала. Ноги дрожали, но держали. Подошла к тумбочке босиком, ступая по мягкому ковру. И замерла.

На тумбочке лежала пачка купюр. Я взяла её в руки. Бумага была плотной, хрустящей, новой. Запах типографской

краски и денег смешался с его парфюмом, который, казалось, пропитал всё в этой комнате.

Я начала считать. Медленно, всё ещё не веря. Пятитысячные купюры ложились одна за другой. Раз, два, три, четыре, пять... десять. Пятьдесят тысяч рублей.

На побрякушки.

Я сглотнула, глядя на деньги в своей руке. Пятьдесят тысяч. За одну ночь. За мой первый раз. За то, что я стала женщиной на чёрном шёлке под красным светом.

Мои пальцы сжали купюры. Я всё ещё смотрела на них, когда в сумочке, брошенной на полу у двери, зажужжал телефон. Экран загорелся, высвечивая неизвестный номер. Его номер. Я знала это, даже не проверяя. Он уже звонил. Как и обещал.

Я не ответила сразу. Вместо этого ещё раз посмотрела на деньги в руке, затем перевела взгляд на смятую постель, на свои разбросанные вещи, на закрытую дверь, за которой гремела далёкая музыка клуба. Моя прежняя жизнь осталась там, за этой дверью. А здесь, в этой комнате, началась новая.

Телефон продолжал жужжать. Настойчиво. Требовательно. Так же, как он брал меня час назад. Я вдохнула, выдохнула и потянулась к сумочке.

Глава 5. Я его.

Я подошла к сумочке на всё ещё дрожащих ногах. Каждое движение отдавалось эхом в уставшем, но странно удовлетворённом теле. Между ног всё ещё саднило, мышцы ныли, а на бёдрах, кажется, останутся синяки от его пальцев. Присев на корточки, я подняла сумочку и вытащила телефон.

Экран светился. Неизвестный номер. Но я знала — это он. Кто же ещё мог звонить в половине второго ночи?

Я провела пальцем по экрану, принимая вызов, и поднесла телефон к уху. Сердце колотилось где-то в горле.

— Долго не отвечаешь, — его голос, низкий и бархатный, прозвучал в трубке так близко, будто он всё ещё был рядом. — Я уже начал скучать.

— Я... была в душе, — соврала я, опускаясь обратно на край кровати. Простыни всё ещё пахли им.

— В душе? — он усмехнулся, и в этой усмешке слышалось знание. Он знал, что я вру. — Надеюсь, ты не смыла мой запах. Я хочу, чтобы ты пахла мной ещё долго.

Я покраснела. Молчала, не зная, что ответить. Он продолжал:

— Доехал. Лежу в своей постели. Один. — Пауза. — И думаю о тебе, маленькая. О том, какая ты была узкая. Сладкая. Как сжимала меня. Как кричала.

Моё дыхание сбилось. Я прижала ладонь к горячей щеке.

— Степан...

— Мне нравится, как ты произносишь моё имя, — перебил он. — Особенно когда стонешь его. Завтра я хочу тебя снова.

— Завтра? — я ахнула. — Но... я... мне нужно восстановиться...

— Я буду нежнее, — пообещал он, и в его голосе слышалась улыбка. — Или не нежнее. Посмотрим. Но ты будешь моей завтра, Лия. Послезавтра. И каждый день, пока я не насыщусь.

— А если я занята? — попыталась я сохранить остатки гордости.

— Освободишься, — отрезал он. — Учёба, подруги, планы — всё это подождёт. А я — нет.

Он замолчал, и я слышала только его дыхание в трубке. Спокойное, глубокое.

— Ты взяла деньги? — спросил он вдруг.

— Да, — тихо ответила я.

— Хорошо. Купи себе что-нибудь красивое. Трусики. Чулки. То, что я сниму с тебя завтра. Поняла?

— Поняла, — прошептала я.

— Умница. А теперь ложись спать, маленькая. Тебе понадобятся силы. Жду тебя в два часа дня. Не опаздывай. Скажи, куда такси вызвать. Я пришлю машину за тобой.

Я замешкалась. Машину? За мной? Всё это становилось слишком реальным, слишком стремительным. Но губы уже

сами произнесли адрес — улицу, номер дома, корпус. Мою съёмную квартиру на окраине, ту самую, где я жила одна, пытаюсь совмещать учёбу и подработки.

— Принято, — коротко ответил он, и я услышала, как его пальцы застучали по экрану — видимо, вбивал адрес куда-то. — Водитель будет у подъезда в час сорок пять.

— Хорошо, — выдохнула я.

— Завтра ты моя, — произнёс он, и в его голосе не было ни вопроса, ни просьбы. Только утверждение. Факт, который не подлежит обсуждению.

Я сглотнула.

— А... эмм... — начала я, запинаясь. Слова застревали в горле. — У тебя же кольцо на пальце. Обручальное.

Тишина. Всего на пару секунд, но она показалась мне вечностью. Я уже пожалела, что спросила. Сердце сжалось в ожидании ответа.

— Это тебя не должно беспокоить, — отрезал он.

Голос был ледяным. Тем самым, который не терпит возражений. Которым отдают приказы и закрывают темы. Никаких объяснений. Никаких оправданий. Просто — стена.

Я замолчала, чувствуя, как внутри что-то дрогнуло. Обида? Разочарование? Или, наоборот, облегчение от того, что он не стал врать, не стал притворяться свободным? Он был женат. Это факт. И ему было плевать, что я об этом знаю.

— Всё, маленькая, — его голос снова стал мягче, но сталь в нём осталась. — Отдыхай. Завтра в два. Жду.

Он отключился. А я ещё долго сидела, глядя на погасший экран телефона и чувствуя, как внутри борются два чувства: жгучий стыд от того, что я — любовница, и дикое, запретное возбуждение от того, что я — его. Хотя бы на время. Хотя бы завтра.

Я вышла из ВИП-комнаты только спустя час. Не могла заставить себя покинуть это место сразу — слишком много всего случилось в этих четырёх стенах, слишком сильно изменилась моя жизнь за одну ночь. Пришлось приводить себя в порядок. В крошечной ванной комнате, примыкавшей к спальне, я долго стояла перед зеркалом, изучая незнакомку в отражении. Раскрасневшиеся щёки. Припухшие от поцелуев губы. Следы его пальцев на бёдрах — уже проявляющиеся синяки на нежной коже. Волосы спутанные, глаза блестят лихорадочным, новым светом. Я умылась холодной водой, поправила макияж, насколько это было возможно, одёрнула юбку и топ. Одежда пахла им. Я пахла им. И этот запах будет со мной ещё долго, что бы я ни делала.

Клуба я почти не узнала. Тот же грохот музыки, те же вспышки неона, те же толпы танцующих — но теперь всё это казалось далёким, нереальным, как декорации из чужого фильма. Наше ложе было пустым. Бархатная штора всё ещё задёрнута, храня секрет того, что случилось. Я поискала глазами Киру — её не было. Ни за нашим столиком, ни на танцполе, ни у бара. Наверное, нашла себе кого-то. А может, просто ушла, поняв, что я уже не вернусь. В любом случае,

сейчас я была даже рада этому. Не хотелось отвечать на вопросы. Не хотелось видеть её понимающую ухмылку. *«Ну что, я же говорила? Папики — идеально».* Да, Кира. Ты была права. Во всём права.

Я вышла на улицу через главный вход. Холодный ночной воздух ударил в лицо, отрезвляя, вырывая из душного, пропитанного сексом полумрака. Москва встретила меня огнями, шумом проезжающих машин и равнодушным небом. Я поёжилась, обхватив плечи руками. Юбка была слишком короткой для этого часа ночи, топ — слишком тонким. Я достала телефон и вызвала такси. Экран показывал: «Время подачи — 4 минуты».

Я стояла у входа в клуб, переминаясь с ноги на ногу, и чувствовала, как внутри пульсирует тупая, ноющая боль. Там, глубоко. Там, где он был. Мышцы всё ещё помнили его вторжение, растяжение, наполненность. Каждый шаг отдавался эхом внизу живота. Я сжала бёдра, и это движение вызвало новый всплеск ощущений — уже не болезненных, но чувствительных. Сладких. Напоминающих.

Секс. Мой первый секс. С мужчиной, которого я знаю всего несколько часов. Который старше меня на десять лет. Который носит обручальное кольцо и платит за близость пачками пяти тысячных купюр.

Деньги. Пятьдесят тысяч в моей сумочке. Они лежали там, тяжёлые, ощутимые. Я всё ещё не могла решить, что чувствую по этому поводу. Стыд? Да. Возбуждение? Опре-

делённо. Унижение? Нет. Как ни странно, унижения не было. Он не сделал ничего, что заставило бы меня почувствовать себя грязной. Он был властным, но не грубым. Он брал, но давал взамен — удовольствие, деньги, обещание завтрашнего дня.

Такси подъехало — жёлтый седан с шашечками на боку. Я села на заднее сиденье, назвала адрес и откинулась на подголовник. За окном проплывали ночные улицы, витрины, светофоры. Водитель молчал, и я была благодарна ему за это. В тишине салона, под мерный гул двигателя, мысли наконец начали обретать форму.

Кем я стала сегодня? Девушкой, которая спит с женатым мужчиной за деньги. Формально — да. Но внутри себя я не чувствовала этой грязи. Я чувствовала себя женщиной. Желанной. Красивой. Той, которую хотят настолько, что готовы платить. И завтра он снова будет моим. На час? На ночь? На целый день? Неважно. Он будет моим. А я — его.

Такси остановилось у моего подъезда. Я расплатилась, вышла, поднялась на свой этаж. В квартире было тихо и пусто. Я сбросила туфли, скинула одежду прямо на пол в прихожей и прошла в ванную. Горячая вода смыла остатки клубного дыма, его запах, следы нашей близости. Но не воспоминания. Те въелись глубже, чем кожа.

Я легла в постель, обнажённая, всё ещё ощущая фантомные прикосновения его рук. Телефон лежал на тумбочке. Его номер теперь был в моих контактах. «Степан». Без фамилии.

Без фотографии. Просто имя, от которого у меня до сих пор сжималось внизу живота.

Я закрыла глаза. Завтра в два. Он пришлёт машину. Он будет ждать. Он сказал — я его. И я, кажется, уже не против.

Сон накрыл меня быстро, но даже во сне я видела его — голубые глаза, хищную улыбку, золотое кольцо на пальце, которое меня не должно беспокоить. И не беспокоило. Почти.

Глава 6. Предвкушение

Следующее утро наступило слишком быстро. Солнце било в окна моей квартиры, наглое и яркое, совершенно не заботясь о том, что я спала всего несколько часов. Будильник разрывался, телефон пищал, а голова всё ещё была тяжёлой — то ли от недосыпа, то ли от вчерашнего коктейля, которым он поил меня между поцелуями. Я заставила себя встать.

Универ. Филология. Английский. Первая пара — практическая фонетика, которую вела сухонькая англичанка с острым взглядом и нулевым чувством юмора. Опаздывать к ней было смерти подобно. Я натянула скромное серое платье до колена, никаких глубоких вырезов, никаких намёков на вчерашнее. Волосы собрала в высокий хвост. Из зеркала смотрела примерная студентка. Никто бы не догадался, что эта девушка всего несколько часов назад извивалась на чёрном шёлке и стонала имя женатого мужчины.

Я сунула тетради в рюкзак, проверила, лежат ли деньги — да, всё ещё там, в боковом кармане, тяжёлая пачка, которую я так и не решилась переложить. И вышла из дома.

В метро было душно. Вагон качало, люди толкались, и я стояла, держась за поручень, механически прокручивая в голове вчерашний вечер. Его руки на моих бёдрах. Его голос: *«Такая сладкая. Моя девочка».* Его кольцо, которое меня не должно беспокоить. Между ног всё ещё тянуло, напоми-

ная о том, что я теперь не та, что прежде. Женщина. Любовница. Содержанка. Нет, слово резануло, и я отмахнулась от него. Просто отношения. Необычные, но отношения.

Пара началась ровно в девять. Преподавательница что-то говорила о дифтонгах и позиционных аллофонах, её голос журчал монотонно, и я изо всех сил пыталась сосредоточиться. Получалось плохо. Ручка в моей руке выводила не конспект — а его имя. «Степан». Буквы ложились на лист одна за другой, и я, спохватившись, резко перечеркнула написанное, пока никто не заметил.

Телефон завибрировал.

Я вздрогнула. В аудитории стояла тишина, нарушаемая только скрипом мела о доску, и звук вибрации показался мне оглушительным. Препад бросила на меня короткий, неодобрительный взгляд. Я виновато опустила глаза и достала телефон из кармана рюкзака.

На экране — «Степан». Я сглотнула. Конечно, это был он. Кто же ещё. Внутри всё сжалось в тугую, сладкий узел — предвкушение, страх, волнение, всё смешалось. Я нажала «принять» и, пригнувшись за спиной сидящего впереди одноклассника, прошептала в трубку:

— Да.

— Голос тихий, — раздался его бархатный, низкий баритон в трубке. Он не спрашивал, он констатировал. — На парках?

— Да, — повторила я, ещё тише. — Не могу говорить.

Тут преподав...

— А мне плевать на твоего преподавателя, — перебил он, и в его голосе слышалась усмешка. — Я хочу слышать твой голос. Даже если ты шепчешь. Особенно если шепчешь.

Я покраснела, вжавшись в стул.

— Зачем ты звонишь? — прошептала я.

— Соскучился, — ответил он просто, будто это было самым очевидным фактом в мире. — Не спал всю ночь. Думал о тебе. О том, какая ты маленькая. Узкая. Как дрожала подо мной.

— Степан... я на занятии...

— Знаю, — он наслаждался моей неловкостью, это было слышно по голосу. — Именно поэтому звоню. Хочу, чтобы ты сидела на этой скучной паре, а думала обо мне. О том, что будет сегодня в два часа.

Сердце пропустило удар.

— Что будет в два часа? — я затаила дыхание.

— Я буду тебя трахать, Лия, — сказал он спокойно, буднично, как о погоде. — Долго. Медленно. Пока ты не забудешь, как тебя зовут. Пока не начнёшь умолять меня остановиться. Или не останавливаться. Как пойдёт.

Я закусила губу. Внизу живота предательски потеплело. Он продолжал:
— Машину подать к универу? МГУ? — спросил он с усмешкой
— Если можно, то да — ответила я

— Хорошо. Машина будет у твоего универа в час сорок

пять. Чёрный «Мерседес». Водителя зовут Артур.

— Я... хорошо, — прошептала я.

— Умница. А теперь отключайся и учи что ты там учишь. Я тебя наберу позже.

Он повесил трубку. А я осталась сидеть с пылающими щеками, дрожащими коленями и абсолютно пустой головой, в которой не осталось ни одного дифтонга. Только его голос. Только его обещание: *«Пока не забудешь, как тебя зовут».* И я знала — он выполнит его. Сегодня в два. А пока — нужно как-то пережить оставшиеся пары, делая вид, что я всё ещё та Лия, какой была вчера утром. Но той Лии больше не существовало.

Глава 7. Рассказ

Пара закончилась, и я выдохнула с облегчением. Мои мысли были далеко — в комнате с чёрным шёлком, под красным светом, в руках мужчины, который сегодня в два часа снова будет моим. Я собирала тетради в рюкзак, когда знакомый голос раздался прямо над ухом:

— Ну что, подруга, рассказывай! Ты заимела папика?

Я подняла глаза. Кира стояла рядом с моей партой, скрестив руки на груди, и смотрела на меня с той самой понимающей, хитрой ухмылкой, от которой никогда ничего нельзя было скрыть. Её глаза блестели любопытством, а на губах играла победная улыбка — будто она уже знала ответ и просто ждала подтверждения.

— Кира... — начала я, чувствуя, как краснею.

— О-о-о, — протянула она, и её улыбка стала ещё шире. Она плюхнулась на соседний стул, подпёрла подбородок рукой и уставилась на меня в ожидании. — Этот румянец говорит мне больше, чем любые слова. Колись давай. Тот мужик из ВИП-ложи? Я же видела, как ты шла к нему. Исчезла на весь вечер. Не отвечала на сообщения. Я даже не знала, уехала ты или нет.

Я опустила взгляд на свои руки, всё ещё держащие тетрадь. Пальцы слегка дрожали. Как рассказать? Как описать то, что случилось? Как передать словами то, что переверну-

ло меня с ног на голову?

— Я... — я запнулась. — Да. Он самый.

— И? — Кира подалась вперёд, её глаза горели азартом.

— Не томи, Лиа! Что было? Трахнул? Сильно? Как он? Рассказывай всё!

Я огляделась. Аудитория опустела, только пара студентов всё ещё копалась у выхода. Я наклонилась ближе к Кире и заговорила тихо, почти шепотом:

— Да, — выдохнула я, и от одного этого слова внутри снова всё сжалось. — Трахнул. Это было... невероятно. Он... он лишил меня девственности, Кир.

Её глаза расширились. Рот приоткрылся. Она схватила меня за руку.

— Лиа... — выдохнула она, качая головой. — Ну ты даёшь.

— Знаю, — прошептала я. — Но я не жалею. Совсем.

Кира изучала моё лицо несколько секунд, потом её губы снова растянулись в улыбке.

— Ну рассказывай! Как он? У него большой? Нежный? Грубый? Я хочу знать все подробности!

Я огляделась ещё раз, убеждаясь, что мы одни, и начала рассказывать — тихо, подбирая слова, всё ещё не веря, что это случилось со мной. Рассказала про скрытую комнату за ВИП-ложей. Про чёрный шёлк. Про его руки и губы. Про то, как он ласкал меня до оргазма, как было больно и как боль сменилась удовольствием.

— Он опытный, — шептала я. — Очень. Он знает, что делает с женским телом. Я кончила три раза, Кир. Три. Я даже не знала, что так можно.

Кира слушала, открыв рот. Её глаза горели.

— А деньги? — вдруг спросила она.

— Да, — я замялась. — Пятьдесят тысяч. Просто положил на тумбочку и сказал: «На побрякушки».

— Пятьдесят штук? — Кира присвистнула. — За одну ночь? Лиа, да ты сорвала джекпот! Это не просто папик, это золотой папик. И что он сказал? Будет продолжение?

— Сегодня в два, — тихо ответила я. — Он пришлёт машину.

— Машину! — она всплеснула руками. — Чёрный «Мерседес» небось?

— Откуда ты знаешь?

— Потому что у них всегда чёрный «Мерседес», — закатила глаза Кира с видом эксперта. — Ну что, Лиа, я же говорила тебе. Это идеальные отношения. Секс, деньги, никаких обязательств. И он явно от тебя без ума, раз уже звонит и присылает машину.

Я вздохнула.

— Он женат.

Кира недоверчиво посмотрела на меня, а затем пожала плечами.

— Тем лучше. Женатики — самые щедрые и самые осторожные. Ты для него — глоток свежего воздуха. Молодая,

красивая, невинная. Он будет тебя баловать. А ты просто наслаждайся.

Она помолчала, затем добавила уже мягче:

— Ты как? Правда в порядке?

Я задумалась. Как я? Я стала любовницей. Девушкой по вызову. Игрушкой взрослого мужчины. Но самое странное — я не чувствовала себя плохо. Я чувствовала себя... особенной.

— Знаешь, — медленно произнесла я, глядя на Киру. — Кажется, да. Я правда в порядке. Даже лучше, чем в порядке.

Кира улыбнулась и хлопнула меня по плечу.

— Вот и отлично. А теперь пошли на фонетику, препод нас убьёт, если опоздаем. Я кивнула, подхватывая рюкзак, и мы пошли к двери.

Глава 8. Квартира

Ровно в два часа дня я вышла из стеклянных дверей университета и замерла на ступеньках. Сердце пропустило удар, потом забилося где-то в горле.

У тротуара стоял чёрный «Мерседес». Дорогой, хищный, блестящий на майском солнце так, что глазам было больно. Последняя модель — я не разбиралась в машинах, но эта кричала о своём статусе каждой линией кузова, каждым бликом на лакированном боку. Рядом с открытой задней дверью стоял водитель — высокий, широкоплечий мужчина лет сорока в строгом чёрном костюме. Он смотрел прямо на меня.

Я сразу поняла — это за мной.

За спиной раздались голоса одноклассников. Кто-то присвистнул, кто-то зашептался. Я кожей чувствовала их взгляды — удивлённые, завистливые, осуждающие. Лия, серая мышка с филфака, садится в «Мерседес» с личным водителем посреди учебного дня. Это было началом моей новой легенды. Или моего позора. Смотря с какой стороны посмотреть.

— Лия? — водитель слегка склонил голову. Его голос был ровным, профессиональным, лишённым любых эмоций.

— Да, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. Получилось не очень. Он всё равно дрожал.

Водитель сделал приглашающий жест, и я подошла. Он

открыл дверь шире, и я скользнула внутрь, в прохладный, пахнувший дорогой кожей салон. Дверь закрылась за мной с мягким, солидным звуком — так закрываются двери только в очень дорогих машинах.

И мы поехали.

Я откинулась на сиденье, чувствуя, как мягкая кожа обнимает моё тело. За окном проплывала Москва — яркая, солнечная, майская. Деревья уже покрылись свежей зеленью, на бульварах цвела сирень, люди спешили по своим делам. А я ехала в чёрном «Мерседесе» к мужчине, о котором не знала практически ничего.

Только имя. Степан. Только то, что у него обручальное кольцо и куча денег. Только то, что он лишил меня девственности вчера ночью и обещал продолжение сегодня. Кто он? Чем занимается? Бизнесмен? Бандит? Политик? Я не имела ни малейшего понятия. И от этой неизвестности было жутко и захватывающе одновременно.

Минут через двадцать машина замедлила ход и остановилась перед огромным современным жилым комплексом. Я запрокинула голову, пытаюсь разглядеть верхние этажи — стекло и бетон уходили в небо, растворяясь в облаках. Элитный. Очень, очень элитный. Здесь не было случайных людей.

Водитель вышел, обошёл машину и открыл мне дверь.

— Пойдёмте, мисс, — произнёс он всё тем же ровным тоном.

Я кивнула и последовала за ним. Он провёл меня через

холл — мраморный пол, огромные зеркала, охрана на ресепшене, которая даже не посмотрела в мою сторону, будто молодые девушки, приезжающие на «Мерседесах» в середине дня, здесь были обычным делом. Мы поднялись на лифте — скоростном, бесшумном, с зеркальными стенами и сенсорной панелью вместо кнопок.

Дверь открылась на тридцать пятом этаже.

— Триста пятидесятая квартира, — водитель протянул мне маленькую пластиковую карточку. — Вот ключ-карта, мисс.

Я взяла её дрожащими пальцами.

— Спасибо...

Водитель кивнул и шагнул обратно в лифт. Двери закрылись, и я осталась одна в длинном, устланном ковровой дорожкой коридоре. Тишина здесь была абсолютной — только мягкий гул системы кондиционирования где-то под потолком.

Я пошла по коридору, сжимая карточку в руке. Номер 350. Дверь выделялась даже среди других дорогих дверей — массивная, из тёмного дерева, с золотой табличкой. Я приложила карточку к замку. Щелчок. Дверь открылась.

Я вошла, сняла обувь у порога — простые балетки, которые выглядели почти вызывающе скромно на фоне окружающей роскоши. Прошла внутрь, и мои босые ступни утонули в мягком, пушистом ковре.

Квартира была огромной. Панорамные окна во всю стену

открывали вид на Москву-реку и сталинские высотки вдалеке. Пространство было оформлено в стиле минимализма — серые тона, кожаная мебель, ничего лишнего. Идеальный порядок. Идеальная чистота. И в этом порядке был он.

Он сидел в кресле, обтянутом тёмно-серой кожей, с ноутбуком на коленях. На нём были свободные домашние брюки и белая футболка, обтягивающая мощные плечи. Без рубашки, без пиджака, без того хищного лоска, который был в клубе. Но даже так — расслабленный, домашний — он выглядел опасно. Так же, как вчера. Так же, как всегда.

— Приехала, — произнёс он, не глядя на меня. Его пальцы пробежались по клавиатуре, он закрыл ноутбук и отложил его на журнальный столик. — Хорошо.

Глава 9. Границы

Он встал. Медленно, плавно, как большой хищник, разминающий мышцы перед прыжком. Подошёл ко мне и без единого слова, без предисловий, впился в мои губы.

Это не был нежный поцелуй-приветствие. Это был поцелуй собственника. Голодный, глубокий, требовательный. Его язык проник в мой рот, и я ахнула, захваченная врасплох. Его руки притянули меня ближе — одну ладонь он положил на мою талию, вторую — на затылок, фиксируя мою голову в нужном ему положении. Я почувствовала его запах — терпкий, мужской, теперь без примеси клубного дыма. Только он. Чистый, концентрированный он.

— Соскучился, — прошептал он, отрываясь от моих губ лишь на мгновение. Его глаза, голубые и жадные, впелись в мои. — Всю ночь думал о тебе. Всё утро. Весь день. Ты хоть представляешь, что со мной сделала, маленькая?

Я не успела ответить — его рот снова накрыл мой, и на этот раз поцелуй был ещё глубже, ещё голоднее. Его руки скользнули вниз по моей спине, сжали ягодичы сквозь скромное серое платье, и я застонала, вжимаясь в его тело.

Он подхватил меня на руки, я пискнула от неожиданности, вцепившись руками в его плечи, чувствуя, как стальные мышцы перекачиваются под тонкой тканью футболки.

— Ещё и пищишь, — усмехнулся он, и в его голосе про-

звучало столько тёплого, снисходительного обожания, что я покраснела до корней волос. — Мило. Очень мило, маленькая.

Он нёс меня через всю гостиную, и я, обхватив его шею руками, мельком видела проплывающие мимо панорамные окна, дизайнерскую мебель, стерильный минимализм, который сейчас казался декорацией к тому, что должно было случиться. Он толкнул дверь в спальню — она открылась бесшумно, и я увидела огромную кровать, застеленную светлым постельным бельём.

Он повалил меня на неё, укладывая спиной на мягкие подушки, накрывая своим телом сверху, вжимая в матрас. Его вес был тяжёлым, горячим, и от этого чувства — быть под ним, быть придавленной, быть в его полной власти — у меня перехватило дыхание.

А потом он поцеловал меня, и его рука скользнула вниз. Не медленно, не плавно — он не был настроен на прелюдию. Не сегодня. Сегодня он хотел меня сразу. Сейчас.

Его пальцы подцепили край моих трусиков и одним резким движением сорвали их. Тонкое кружево треснуло где-то сбоку, и я ахнула в его рот. Он даже не посмотрел на испорченную вещь — просто отбросил её куда-то в сторону, продолжая целовать меня глубоко и жадно, пока его пальцы уже скользнули туда, где я была мокрой и горячеей.

— Опять без лифчика? — выдохнул он мне в губы, накрывая ладонью мою грудь сквозь платье. — Умница.

Я не ответила — только застонала, когда его пальцы раздвинули мои влажные складочки. Он ласкал меня там изучающе, внимательно, будто запоминал каждый изгиб, каждую реакцию. Круговые движения вокруг клитора, лёгкое надавливание на вход, скольжение вверх-вниз по всей длине моего входа. Его губы всё ещё терзали мои, а пальцы в это время жили своей жизнью — умелые, знающие, безжалостные.

— Уже мокрая, — прокомментировал он с тихим, довольным смешком. — Ты будешь всегда такая мокрая для меня, маленькая?

— Только для тебя... — выдохнула я, и это было чистой правдой. Никто и никогда не вызывал во мне такой реакции. Только он.

— Правильный ответ, — он оторвался от моих губ и посмотрел на меня сверху вниз. Его глаза горели тем самым голодным, собственническим огнём. — Теперь ты моя, Лия. Полностью. Я буду делать с тобой всё, что захочу. И ты будешь любить каждую секунду этого. Поняла?

Я только кивнула. Его пальцы всё ещё были там, внизу, и каждое их движение посылало волны удовольствия по моему телу лёжа.

Он продолжал ласкать меня — медленно, тягуче, не вынимая пальцев из моей влажной глубины. Его губы скользили по моей шее, оставляя влажные дорожки поцелуев, спускаясь к ключице, к краю платья, которое всё ещё было на мне. Я извивалась под ним, уже готовая умолять о большем,

когда он вдруг остановился. Поднял голову. Посмотрел на меня — внимательно, серьёзно, без тени улыбки.

— Не успела ещё с таблетками решить вопрос? — спросил он.

Это был деловой тон. Тот самый, которым он, наверное, обсуждал контракты и сделки. Только сейчас предметом обсуждения было моё тело. Моя фертильность. Моя способность забеременеть от него.

— Нет... — выдохнула я, чувствуя, как краснею. — Не успела. Пары были до двух...

— Понятно, — перебил он. Его большой палец всё ещё вырисовывал круги на моём клиторе, и от этого контраста — деловой тон и интимная ласка — у меня кружилась голова. — Значит, сегодня буду кончать на тебя. На живот. На грудь. На спину. Куда захочу.

Он замолчал на секунду, затем добавил — тише, но с той самой сталью в голосе, которая напоминала, кто здесь главный:

— Нам же не нужны лишние проблемы в виде детей, верно?

Я сглотнула. Комок в горле был плотным, горячим. Дети. Он говорил о детях так, будто это был пункт в договоре. Форс-мажор, которого следует избегать. Никакой романтики. Никаких «а вдруг». Просто бизнес. Просто секс. Просто отношения без последствий.

— Да, — прошептала я, кивая. — Не нужны.

— Вот и умница, — его голос снова стал мягче, а пальцы внутри меня настойчивее. — Завтра же сходишь к врачу. Я пришлю тебе контакты хорошего гинеколога. Он выпишет таблетки. Самые современные. Без побочных. И тогда я смогу кончать в тебя. Всегда. Так, как я люблю.

От этих слов по моему телу прошла дрожь. Он говорил об этом как о решённом вопросе, как о части нашего соглашения. Я — его. Он — мой. И скоро он будет наполнять меня своим семенем без всяких преград.

— Хорошо, — выдохнула я, и мои бёдра сами подались навстречу его пальцам.

— А пока, — он наклонился к моему уху, и его горячее дыхание обожгло кожу, — я буду кончать на тебя. И ты будешь просить меня об этом. Поняла?

— Да, Степан... — простонала я, чувствуя, как его пальцы ускоряют ритм.

— Умница. А теперь — платье долой. Я хочу видеть тебя. Всю.

Он рывком снял с меня платье — ткань зашуршала, поднимаясь вверх, и через секунду я осталась полностью обнажённой. Трусики уже давно исчезли, отброшенные куда-то в угол спальни. Единственное, что ещё оставалось на моём теле — белые хлопковые гольфы, которые я надела утром, собираясь в универ.

Он замер. Я увидела, как его глаза прошли по моему телу — медленно, изучающе, от кончиков пальцев ног

в этих невинных белых гольфах до покрасневшего лица. Его взгляд задержался на гольфах дольше всего.

— Какая же ты нежная, — выдохнул он, и его голос прозвучал низко, с хрипотцой. — Милая. Просто невероятная.

Он провёл рукой по моей ноге — от щиколотки, обтянутой белым хлопком, до колена, до бедра. Его пальцы коснулись резинки гольфа, слегка оттянули её, отпустили с мягким щелчком по коже.

— Гольфы... — протянул он. — Ты как школьница. Честное слово. Такая трогательная. Такая чистая.

Он наклонился ниже, провёл губами по внутренней стороне моего бедра, чуть выше края гольфа. Его дыхание обжигало, а мурашки бежали по коже табунами.

— Надеюсь, тебе есть восемнадцать? — спросил он с лёгкой, поддразнивающей усмешкой, поднимая на меня свои голубые, смеющиеся глаза.

— Да... — выдохнула я, всё ещё дрожа от его прикосновений. — Мне двадцать.

— Хорошо, — он кивнул, и в его голосе прозвучало удовлетворение. — Очень хорошо. Двадцать — идеальный возраст. Уже не ребёнок, но ещё такая свежая. Такая нетронутая. Была нетронутой. До меня.

Он продолжал целовать меня — медленно, тягуче, покрывая поцелуями каждый сантиметр моего тела. Его губы скользили по животу, по рёбрам, по груди. Он взял сосок в рот и слегка прикусил, заставляя меня застонать и выгнуть-

ся. Его руки не останавливались ни на секунду — гладили, сжимали, изучали.

— А тебе... ах... сколько? — спросила я, задыхаясь, пока его язык выписывал круги вокруг моего соска.

— Тридцать, малышка, — ответил он, отрываясь от моей груди лишь на мгновение.

Десять лет разницы. Его возраст ощущался в каждом движении — в этой уверенности, в этом опыте, в этом умении доводить меня до грани одними лишь пальцами и губами. Мальчишки из универа не умели так. Они вообще ничего не умели. А он... он был мужчиной. Настоящим. Взрослым. Опасным.

— Тридцать, — повторила я шёпотом, пробуя эту цифру на вкус.

— Тебя это беспокоит? — он поднял бровь.

— Нет, — честно ответила я. — Совсем нет. Мне нравится.

— Вот и славно, — он улыбнулся и снова припал губами к моей коже. — Потому что меня твой возраст очень даже устраивает. Двадцать лет. Самая сочность. Самый сок. И вся — моя.

Его рука скользнула вниз, пальцы снова нашли мой клитор, и я застонала, забывая обо всём. О возрасте, о гольфах, о том, что я выгляжу как школьница в постели взрослого мужчины. Всё это было неважно. Важно было только то, что он делал со мной. И то, что он собирался делать дальше.

Я замерла, глядя на него снизу вверх. Он нависал надо мной — мощный, широкоплечий, с потемневшими от желания глазами. А потом он резко, одним движением, стянул с себя брюки вместе с боксерами. Его член вырвался на свободу — огромный, твёрдый, с налитой головкой, которая уже блестела от смазки. Я видела его вчера, но сегодня, при дневном свете, льющемся сквозь панорамные окна, он казался ещё больше. Ещё внушительнее. Ещё пугающе и одновременно завораживающе.

Он опустился ниже, располагаясь между моих разведённых бёдер. Я почувствовала, как горячая, бархатистая головка коснулась моих влажных складочек — самых чувствительных, самых интимных. Он провёл ею вверх-вниз, собирая мою влагу, размазывая её по всей длине моей щели. Затем задержался у самого входа — там, где я была узкой, горячей, пульсирующей. Я замерла, перестала дышать. Каждый мускул в моём теле напрягся в ожидании.

— Малышка, — его голос прозвучал низко, интимно, почти по-отечески. — Сегодня я буду учить тебя. Как доставлять удовольствие. Как принимать меня. Как быть хорошей девочкой для своего мужчины.

Он надавил, и головка начала входить. Медленно. Неумолимо. Я почувствовала, как мои мышцы растягиваются, поддаются, пропуская его внутрь. Вчерашняя боль ещё не прошла до конца, и теперь она вернулась — резкая, острая, пронзившая низ живота.

— Ах! — я вскрикнула, и мои пальцы вцепились в его плечи. — Больно... ах... Степан, больно...

— Тш-ш-ш, — он замер, остановившись ровно на половине головки. Его ладонь легла на мою щёку, большой палец стёр одинокую слезинку, скатившуюся из уголка глаза. — Сейчас пройдёт. Тише, маленькая. Дыши. Глубоко. Расслабься.

Я попыталась дышать, как он велел. Глубокий вдох. Медленный выдох. Его глаза не отпускали мои — голубые, спокойные, тёплые. Он ждал. Не двигался. Дал мне время привыкнуть к вторжению.

— Вот так, — прошептал он, когда моё дыхание выровнялось. — Умница. Ты такая узкая, Лия. Такая тугая. Но я буду осторожным. Сегодня — осторожным. Ты должна научиться принимать меня без боли. А когда научишься — я буду брать тебя так, как захочу. Поняла?

— Да... — выдохнула я, чувствуя, как боль постепенно отступает, сменяясь знакомым ощущением наполненности.

— Хорошая девочка. А теперь — урок первый.

Он вошёл глубже. Медленно. Плавно. Сантиметр за сантиметром. Я чувствовала каждую венку на его члене, каждое биение его пульса внутри меня. Он двигался с той самой выверенной, опытной медлительностью, от которой у меня закатывались глаза. Входил. Выходил почти полностью. Снова входил — чуть глубже. И с каждым таким движением боль уходила, а на её место приходило удовольствие — тягучее,

глубокое, разливающееся по телу, как горячий мёд.

— Чувствуешь? — шептал он, его губы касались моего уха. — Вот так. Медленно. Глубоко. Твоё тело создано для меня. Ты это чувствуешь?

— Да... да... — стонала я, и мои бёдра сами начали двигаться навстречу его толчкам.

— Урок второй, — он улыбнулся, видя, как я теряю контроль. — Сейчас ты будешь кончать. На моём члене. И в этот раз — вместе со мной.

Он вдруг остановился, вышел из меня — я тихо застонала от внезапной пустоты — и сменил позу. Устроился на коленях, широко расставив их на смятых простынях. Его член стоял вертикально, влажный от моих соков, блестящий в дневном свете. Он был огромным, пульсирующим, и я не могла отвести от него взгляд.

— Иди сюда, — приказал он низким, хриплым голосом.

Он подхватил меня под ягодицы и поднял, словно пушинку. Я ахнула, когда он насадил меня на свой член — одним плавным, но глубоким движением. Я оказалась сверху, но не сидела — он держал меня на весу, мои ноги беспомощно болтались по бокам от его бёдер, а спина выгнулась назад, прогибаясь в талии. Поза была невероятной — я висела в его руках, словно мостик, полностью открытая, полностью доступная, полностью в его власти.

— Боже... — выдохнула я, чувствуя, как он заполняет меня до самого предела. В этой позе он входил ещё глубже, чем

обычно, и от ощущения этой запредельной глубины у меня темнело в глазах.

— Нравится? — его голос был напряжённым, но в нём слышалась та самая хищная усмешка.

И он начал двигаться. Его мощные бёдра работали снизу вверх, вбиваясь в меня ритмично и глубоко. Каждый толчок выбивал из моих лёгких воздух, каждый раз, когда он опускал меня на свой член, я чувствовала его где-то в самом нутре — там, где никогда ничего не было. А его пальцы... его пальцы в это время нашли мой клитор.

— Ах! — я взвизгнула, когда он коснулся самого чувствительного бугорка.

Он ласкал его круговыми движениями — быстро, настойчиво, в такт своим толчкам. Двойная стимуляция разрывала меня на части. Его член внутри, глубоко, растягивающий, заполняющий. Его пальцы снаружи, терзающие клитор, не дающие ни секунды передышки. Я извивалась в его руках, металась, стонала и всхлипывала, не в силах контролировать ни звуки, ни тело.

— Степан... я... я сейчас... — я задыхалась, чувствуя приближение оргазма.

— Давай, маленькая, — прохрипел он, ускоряя и толчки, и движения пальцев. — Кончай на моём члене. Я хочу это чувствовать. Хочу, чтобы ты сжала меня.

И я кончила. Громко, бурно, с криком, который, наверное, был слышен на всех тридцати пяти этажах этого элитного

комплекса. Меня выгнуло дугой в его руках, мышцы внутри сжались вокруг его члена в бешеном ритме, выдаивая его, пульсируя, содрогаясь. Из глаз брызнули слёзы, пальцы вцепились в его плечи, оставляя следы ногтей.

— Вот так... вот так... — рычал он, продолжая вбиваться в моё содрогаящееся тело. — Какая же ты сладкая... какая тугая...

Он сделал ещё несколько глубоких, рваных толчков и вдруг вышел — резко, в последний момент. Я почувствовала, как горячие струи его семени ударили мне на живот — раз, другой, третий. Он застонал, запрокинув голову, и его член пульсировал, изливаясь на мою кожу, пока я всё ещё дрожала в его руках, приходя в себя после оргазма.

Мы замерли. Его грудь тяжело вздымалась. Моё тело всё ещё подрагивало. На моём животе растекалась горячая, белая лужица его спермы. А он смотрел на это сверху вниз — с выражением чистого, животного, собственнического удовлетворения.

— Вот так, — прошептал он наконец, всё ещё тяжело дыша. — Урок усвоен, моя девочка.

Я лежала на спине, распластанная на смятых простынях, чувствуя, как его горячее семя остывает на моём животе. Мышцы всё ещё подрагивали после пережитого оргазма, а в голове был туман — густой, сладкий, обволакивающий. Он встал рядом с кроватью, глядя на меня сверху вниз. Его член всё ещё был полувозбуждён — влажный, блестящий, но уже

не такой угрожающий. Его грудь вздымалась, дыхание выравнивалось, но глаза — глаза всё ещё горели тем самым голодным, ненасытным огнём.

— В душ, — скомандовал он тоном, не терпящим возражений. Его рука потянулась ко мне, пальцы погладили мою щиколотку и стянули гольфы — И готовься к новому раунду, малышка.

Я моргнула. Новый раунд? После такого?

— Сегодня у меня есть три часа, — продолжил он, и его губы растянулись в порочной, многообещающей улыбке. — И я планирую насытиться тобой. Полностью. До дна.

Он наклонился, подхватил меня с кровати и я оказалась прижатой к его горячей, влажной от пота груди.

— Три часа? — переспросила я хриплым, всё ещё не слушающимся голосом.

— Три часа, — подтвердил он, неся меня в ванную. — Может, больше. Как пойдёт. Но ты будешь моей каждую минуту этого времени. В душе. В постели. На кухне, если захочу. Ты моя, Лия. И я намерен использовать каждый сантиметр твоего тела. Поняла?

— Поняла, — прошептала я, и внутри всё сжалось в предвкушении. Три часа. Три часа с ним. Три часа удовольствия, граничащего с болью, и боли, переходящей в удовольствие.

Он толкнул дверь ванной — и я ахнула. Это была не просто ванная. Это был спа-салон. Огромное помещение с панорамным окном во всю стену, из которого открывался за-

хватывающий вид на Москву. Мраморный пол с подогревом. Двойная душевая кабина с тропическим ливнем. И огромная, отдельно стоящая ванна, больше похожая на бассейн. Он опустил меня на пол возле душевой. Мои босые ступни коснулись тёплого мрамора.

— Я жду тебя через пять минут, — сказал он, включая воду. — Чистой. Свежей. И готовой ко второму раунду. Не задерживайся. У меня на тебя большие планы.

Он вышел, оставив меня одну в этой роскошной ванной. Я стояла, всё ещё ощущая его сперму на своём животе, его запах на коже, его вкус на губах и понимала — три часа только начались, а я уже едва стояла на ногах. Но я хотела больше. Я хотела его. Снова и снова. И он знал это.

Я быстро приняла душ. Тёплые струи воды смыли следы нашей близости — его запах, его семя, капельки пота, которые всё ещё блестели на моей коже, но внутри всё осталось: тянущая, сладкая истома, лёгкая боль в мышцах, пульсирующее эхо его прикосновений. Я вытерлась огромным пушистым полотенцем — белым, мягким, пахнущим кондиционером для белья, — и завернулась в него, оставляя плечи обнажёнными. Когда я вышла из ванной, он уже ждал меня. Сидел в кресле у панорамного окна в одном полотенце, небрежно обёрнутом вокруг бёдер. Его влажные после душа волосы были зачёсаны назад, с них ещё капала вода на широкие плечи. Видимо, в этой квартире была вторая ванная, потому что он успел помыться быстрее меня. Он выглядел рас-

слабленным, но в его глазах всё ещё горел тот самый огонь. Сытый, но не потухший. Хищник, который только что поел, но уже присматривается к следующему блюду.

— М-м-м, — протянул он, когда я появилась в дверях. Его взгляд прошёлся по моему телу — от босых ступней до обнажённых плеч, задержавшись на линии ключиц, где полотенце чуть сползло. — Красавица. Идеальная девочка.

Он поманил меня пальцем, и я подошла — медленно, всё ещё чувствуя лёгкую неловкость от своей наготы под полотенцем, от его пристального, изучающего взгляда.

— Иди ко мне, — сказал он мягче, и когда я приблизилась, он протянул руку и усадил меня к себе на колени. Его ладонь легла на моё бедро, скрытое полотенцем. — Боль есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.